

ХИЗЕР
КЭЛМЕН

ПОВЕРЬ И ПОЛЮБИ

Хизер Кэлмен

Поверь и полюби

OCR Anita; SpellCheck SAD

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157001

Поверь и полюби: АСТ; Москва; 2000

ISBN 5-17-003170-X

Аннотация

Всего один неосторожный шаг превратил прелестную Софи Баррингтон из знатной госпожи в бедную служанку. В довершение всех бед ее хозяином стал лорд Николас Сомервилл, циничный женоненавистник. Могла ли Софи знать, что именно ей суждено вернуть молодому лорду веру в любовь? Мог ли Николас предполагать, что в образе хрупкой служанки Судьба ниспослала ему само счастье?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	61
Глава 4	87
Глава 5	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Хизер Кэлмен

Поверь и люби

Глава 1

Лондон, 1807 год

В гостиной было душно. Духота казалась еще более нестерпимой из-за одурманивающих ароматов расплавленного воска, дорогих духов – всего, столь характерного для аристократических приемов. Воздух становился особенно густым, будто осязаемым, в небольшой комнате с рядами туалетных столиков вдоль стен, где перед зеркалами прихорашивались только что прибывшие дамы.

И все же Софи Баррингтон не хотела бы сейчас очутиться еще где-нибудь, кроме как здесь, в модной гостиной леди Стакли.

– Боже, до чего ж неуклюж! – пробормотал кто-то слева от Софи.

Она сразу же узнала голос своей лучшей подруги Лидии Кемп и, повернув голову, убедилась, что та действительно сидит перед зеркалом за соседним столиком.

– Чертовски неуклюж! – повторила Лидия, кивнув головой в золотисто-зеленом тюрбане в сторону только что вошедшего в гостиную джентльмена.

Не желая показаться излишне любопытной, Софи закрылась веером и из-под него украдкой смерила взглядом нового гостя. Дойдя до тонких ног в белых чулках, она презрительно пожала плечами и, наклонившись поближе к подруге, прошептала:

– Обрати внимание на его икры. Они просто ужасны!

– Ужасны? М-м-м... Пожалуй, ты права... Но икры – это еще куда ни шло! Лучше посмотри на бедра. Они не толще прутиков. Не понимаю, как только он держится на таких ногах!

Софи от подобных слов слегка передернуло. Конечно, она и сама успела заметить некоторые недостатки в фигуре появившегося джентльмена, но считала, что вслух говорить об этом неудобно. Особенно когда кругом полно гостей и разговор могут подслушать и сделать предметом всеобщих сплетен.

Однако Софи отлично знала, что подруга придерживается на этот счет совершенно иного мнения. Для Лидии привычка высказывать вслух даже самое сокровенное была такой же неотъемлемой частью натуры, как черные волосы или зеленые с кошачьим разрезом глаза.

Все же Софи посчитала своим долгом заметить:

– Извини, Лидия, но ведь ты не хуже меня знаешь, что делать такие замечания даже за глаза – признак дурного воспитания.

Лидия уже привыкла к подобным выговорам. Поэтому в

ответ лишь пожала плечами.

– Если честность считается признаком плохого воспитания, – фыркнула она, – то я, наверное, и впрямь самое невоспитанное создание во всей Англии. – И, бросив многозначительный взгляд на лорда Моткомба, одного из самых пылких поклонников Софи, ставшего предметом столь пикантного разговора между подругами, добавила: – Я не вижу причины скрывать, что в жизни не встречала более скверно сшитого костюма, чем тот, который сейчас на этом лорде Моткомбе.

Если обсуждать бедра и прилегающие к ним части мужского тела было принято среди молодых девиц строго конфиденциально, то все остальное, связанное с внешностью того или иного джентльмена, могло разбираться и комментироваться совершенно открыто. А потому Софи, сделав легкое внушение подруге за нарушение установленного табу, посчитана свой долг перед обществом исполненным и с готовностью продолжила разговор уже в разрешенном правилами приличий ключе.

– О, я не думаю, что виноват портной, – усмехнувшись, сказала она и выразительно посмотрела на узкую грудь и покатые плечи лорда. – Все дело в фигуре самого Моткомба. Я бы посоветовала ему побольше ходить пешком. Глядишь, и помогло бы!

В этот момент лорд Моткомб, уже севший за стол и отдававший должное устрицам, неожиданно поднял голову и поймал устремленные на него через открытую дверь на-

смешливые взгляды Софи и Лидии. Скучная и недовольная мина на его лице тут же сменилась почти раболепной улыбкой человека, которому очень бы хотелось понравиться и втереться в доверие. Софи всегда считала подобное поведение гнусным и омерзительным.

Она тяжело вздохнула от мысли, что в любой момент лорд Моткомб может подняться со своего места и подойти к ним. Тогда волей-неволей придется слушать его дурацкую болтовню. Лидия, видимо, тоже с тревогой подумала о возможности подобного испытания. Она сняла с головы тюрбан, схватила Софи за руку и потащила за собой в правую половину гостиной, где около камина оживленно беседовала большая группа гостей. Заметив пару свободных стульев, они уселись поближе к весело плясавшему на сухих поленьях огню.

Здесь, как, впрочем, и по всей гостиной, бросалась в глаза очевидная приверженность хозяйки дома ко всему восточному. Позолоченные бордюры, расписанный драконами потолок, китайские обои с нарисованными фонариками и диковинными птицами – интерьер поражал чудовищной безвкусицей.

Обменявшись парой насмешливых реплик по этому поводу, Софи и Лидия вновь принялись изучать, но уже с другого наблюдательного пункта, толпившихся в гостиной и сидевших за столом гостей.

– Красивые глаза и выпуклый живот, – произнесла Лидия. На этот раз стрелы были направлены в лорда Суэйла. Этот

джентльмен, где бы он ни появлялся, обычно становился предметом особого зубоскальства. Когда-то, еще в школьные годы в Бате, когда Софи и Лидия сидели у окна в классе и занимались своим любимым делом – рассматривали прохожих и давали каждому характеристику, они впервые обратили на него внимание.

Тем временем Софи переключилась на следующую жертву. Ею оказался некто мистер Трент.

– Хорошая фигура, – шепнула она подруге. – Но лицо! Боже мой, ну как у хорька!

Лидия тоже посмотрела на Трента и, кивнув, согласилась с Софи.

– А как бы ты назвала то сооружение, которое возвышается на его голове? – фыркнула она. – Мягкое, бесформенное. Прической назвать язык не поворачивается!

Софи усмехнулась, но тут же заметила лорда Уолсингэма, который имел несчастье как раз в этот момент пройти мимо, беседуя с приятелем.

– А этот очень даже неплохо выглядит, – заключила она. – Хотя ничего необыкновенного в нем не вижу. Уж во всяком случае, он не до такой степени красив, чтобы выйти за него замуж!

– Безусловно! Нет, но ты только посмотри на его приятеля! Великолепные бедра! Жаль, что лицо какое-то сморщенное. Как будто его слепили из отрубей.

Софи хотела было вновь сделать подруге замечание по по-

воду высказывания о бедрах, как вдруг в дверях гостиной возник лорд Квентин Сомервилл. Этого было достаточно, чтобы все слова застыли у нее на кончике языка. С разлетающимися каштановыми кудрями, удивительными по красоте глазами цвета весенней фиалки, стройной талией и в высшей степени элегантной фигурой, он казался воплощением мужского великолепия.

– Совершенен! – прервала Лидия благоговейное молчание. – Безупречно красив! Плохо только, что он младший сын своего отца.

– Это становится особенно трагичным, когда согласишься посмотреть на его старшего брата, – со вздохом заметила Софи. – Просто диву даешься, как может у красавца лорда Квентина быть такой уродливый братец! Я, наверное, никогда этого не смогу понять!

– Это лорд Линдхерст-то уродливый?!

Лидия замолчала, всем своим видом показывая, что у нее просто нет слов от такой несправедливой оценки. Потом насмешливо взглянула на подругу.

– Дорогая моя Софи! Что с твоими глазами? С каких это пор ты вдруг стала плохо видеть?

Хотя Софи и Лидия всегда сходились в своих оценках мужчин, участвовавших в светских раутах на протяжении сезона, но лорд Линдхерст составлял исключение. Здесь их мнения были диаметрально противоположными. Завидев его, подруги начинали шипеть, ссориться и, казалось, вот-

вот вцепятся друг другу в волосы. Одним словом, лорд Линдхерст стал для обеих настоящим яблоком раздора. Сегодня Лидия первой бросила подружке перчатку.

Софи тут же отреагировала:

– Уверяю тебя, Лидия, у меня со зрением все в порядке!

При этом она сделала особое ударение на словах «у меня».

Лидия поморщилась:

– В таком случае я, видимо, переоценивала твой вкус в отношении мужчин!

– Нет, дорогая! Наоборот, ты недооценивала его. Иначе тебе бы и в голову не пришла столь глупая мысль, будто мое мнение о столь жалком существе может измениться к лучшему! В отличие от тебя, дорогая, насчет мужчин у меня всегда было твердое мнение. И, по-моему, титулу всегда должно соответствовать красивое лицо.

– Абсолютное большинство высшего общества считает, что лорд Линдхерст очень даже мил, – пренебрежительно парировала Лидия. – Как ты знаешь, на здешнем светском рынке насчитывается не менее дюжины самых почтенных титулов, включая даже одного герцога. Тем не менее, именно лорд Линдхерст продолжает оставаться украшением нынешнего сезона.

Софи сморщила нос.

– Лорд Мэрдок тоже мог бы стать украшением, будь его карман таким же пухлым, как у Линдхерста.

За этим джентльменом закрепилась слава самого нику-

дышного человека во всем Лондоне. Известен лорд Мэрдок был и своим беспутным поведением. Однако его охотно принимали даже в самых чопорных светских кругах британской столицы.

– Что до кошелька, то он у Мэрдока не такой уж тощий, – запальчиво возразила Лидия. – И, наверное, в лондонских салонах есть немало девиц, мечтающих выйти за него замуж. Если же говорить о Линдхерсте, то он прекрасно воспитан и по-настоящему галантен. Любая девушка из приличной семьи не прочь стать его женой. К тому же у него прекрасный характер. Думаю, ты не станешь этого отрицать!

– О да! Характер у него действительно прекрасный... если считать достоинством глупость и способность навевать на всех вселенскую тоску. Уж в этом-то у него найдется немного соперников во всем Лондоне.

В голосе Софи прозвучало нескрываемое презрение, а хорошенькое личико изобразило крайнюю брезгливость.

– С ума можно сойти! – прошипела она в лицо подруге. – «Да, мисс Баррингтон! Нет, мисс Баррингтон! Как вам будет угодно, мисс Баррингтон!» И больше ничего!

Сделав паузу и немного успокоившись, Софи добавила уже ровным голосом:

– Он совершенен, дорогая, в своей чопорности. Но никому и никогда не удавалось услышать ни одного умного слова, слетевшего с языка лорда Линдхерста.

Лидия хитро прищурилась.

– Мои братья не раз говорили, что в их клубе лорда Линдхерста считают очень даже умным человеком. Я также слышала, как они обсуждали между собой его... гм... его доблесть в отношениях с женщинами. При этом они смеялись над теми, кто в безумном желании стать любовницами лорда готовы были расцарапать в кровь лицо соперницы. И все это, заметь, отнюдь не из-за богатства!

– Лидия! Это...

– Да, понимаю: говорить подобное – признак плохого воспитания. Возможно. Но разве это не доказывает, что лорд не так уж глуп и скучен? Я лично подозреваю, что тем, кто узнает его поближе, он может показаться интересным человеком. – Сделав паузу, Лидия бросила на подругу сердитый взгляд и процедила сквозь зубы: – Богатый, остроумный вельможа с отличными бедрами! Чего еще может желать любая девушка?

Софи не стала реагировать на очередной пассаж приятельницы по поводу бедер. Она была слишком раздражена слепым обожанием, которое сквозило в каждом слове Лидии об этом скучном лорде, чтобы обращать внимание на очередную непристойность. Пожав плечами и стараясь скрыть готовое вырваться наружу негодование, Софи – достаточно холодно, как ей казалось, – ответила:

– Даже если лорд Линдхерст кому-то покажется, как ты говоришь, остроумным, его внешность, тем не менее, не выдерживает никакой критики.

– Серьезно? – хмыкнула Лидия с самой что ни на есть высокомерной миной на лице. – Если верить слухам, то единственное, чем недовольны молодые светские дамы и девицы, так это редким появлением лорда Линдхерста в обществе.

Софи опять поморщилась.

– Мне кажется, что он, наоборот, слишком часто маячит в светских салонах. Честное слово, стоит только повернуть голову, как непременно увидишь рядом долговязую фигуру лорда Линдхерста. Это просто... просто...

Софи покрутила в воздухе ладошкой, как бы подыскивая нужное слово:

– Это просто Голиаф какой-то!

Подобное сравнение вряд ли было удачным по отношению к лорду. Хотя при двухметровом росте, широких плечах и атлетической мускулатуре Линдхерста все другие мужчины рядом с ним и впрямь казались почти карликами.

Лидия не пожелала остаться в долгу у подруги и ответила таким же ехидным тоном:

– Между прочим, я что-то никогда не замечала в тебе неудовольствия от внимания лорда Линдхерста. Пожалуй, наоборот: в последнее время вас очень часто видят вместе. Даже начинают поговаривать, что он вот-вот сделает тебе предложение. Мои братья, например, заключили между собой пари, что это произойдет не позднее Рождества.

Наверное, Софи была бы менее шокирована, если бы подруга сказала, будто Наполеон в настоящее время продает

мороженое в лондонском магазине Гантера.

– Что... что за чушь?! – зашипела она, брызгая слюной от негодования. – Никогда и ни в какой форме я не давала повода думать, что соглашусь на его предложение! И уже сто раз тебе говорила, что принимаю его в своем доме только по настоянию тетки и кузена!

– Принимать его – это одно дело. Но совершенно другое – трижды за неделю катать в своем экипаже. Я уже не говорю, что за последнее время ты уже шесть раз разрешала ему сопровождать себя во время выездов в театр. Да и не только туда! В общем, у лорда Линдхерста теперь достаточно поводов надеяться, что его предложение будет встречено благожелательно. Если, конечно, такое действительно последует.

В душе Софи пришлось поневоле согласиться с подругой, хотя она и проклинала себя за это. Ибо кузен Эдгар, оставшийся после смерти отца Софи пять лет назад единственным ее опекуном, наказал двоюродной сестре непременно принимать все приглашения лорда Линдхерста и проводить с ним большую часть свободного времени. Софи никогда не флиртовала с лордом и не позволяла по отношению к себе никаких вольностей, кроме общепринятых проявлений рыцарской учтивости. Однако теперь начинала понимать, что ее поведение могло невольно создать у Линдхерста превратное впечатление о характере их отношений.

Софи вздохнула. Когда ей придется в следующий раз терпеть общество лорда Линдхерста, она поставит все на свои

места. По правде говоря, это надо было сделать уже несколько недель назад, когда Софи полюбила другого человека, за которого намеревалась выйти замуж.

За лорда Оксли... За ее Юлиана...

Думая о возлюбленном, Софи, как всегда, улыбнулась. В этом человеке было все, о чем она мечтала. И даже больше... Значительно больше! Юлиан не только умен, очарователен и носит высокий титул – у него поистине божественная внешность!

Одним словом, Софи считала Юлиана Оксли воплощением совершенства.

Если бы только у ее тетушки и кузена открылись глаза и они поняли, что он за человек!

Улыбка на лице Софи медленно угасла. Она подумала о том, что ее ближайшие родственники хотя и не возражали против визитов Юлиана, но считали Софи достойной лучшего. Им импонировали титулованные мужчины с солидным состоянием, пользующиеся уважением и большим успехом в обществе. Тетушка не раз говорила своей единственной племяннице, что ни при каких обстоятельствах не хочет видеть в Юлиане Оксли будущего мужа Софи.

– Он тебе совсем не пара! – в один голос ответили тетья и кузен, когда Софи попыталась лишь заикнуться о возможности этого брака.

И в дальнейшем, сколько бы она ни спорила, защищая своего возлюбленного, оба упрямо стояли на своем. В кон-

це концов, тетя и кузен пригрозили закрыть перед Юлианом двери их дома, если Софи будет продолжать разговоры на эту тему. Пришлось подчиниться.

Она прикусила язык и больше действительно не возобновляла попыток уговорить родственников. Что им оставалось? Только встречаться на званых вечерах и всякого рода светских раутах, да еще во время очень редких и коротких визитов Юлиана. Его пока принимали в доме, и это поддерживало в душе девушки надежду, что тетя и кузен, поближе познакомившись с ее избранником, изменят свое решение и тогда, может быть, дадут согласие на их брак.

Несмотря на все препятствия, Софи твердо решила добиться своего и стать женой лорда Юлиана Оксли. А потому очень мягко, стараясь по возможности не обидеть и не унижить лорда Линдхерста, нужно как-то погасить его желание жениться на ней.

– Софи, перестань, наконец, витать в облаках! – раздался рядом с ней раздраженный голос Лидии.

Софи посмотрела на подругу и поняла, что та уже не в первый раз задает ей какой-то вопрос. Она виновато улыбнулась:

– Извини, я просто задумалась над тем, что ты сказала о лорде Линдхерсте.

– Ну и что?

– Смею тебя уверить, что предложение руки и сердца никогда не слетит с его губ. Во всяком случае, в мой адрес.

– Ты когда-нибудь видела более старомодное существо, чем леди Бирд?

Тетушка Элоиза щебетала без умолку. Ее черные глаза блестели в тусклом свете фонарика кеба.

– Даже в американском штате Кентукки, где она теперь практически постоянно живет, все знают, что мода напудренных причесок давным-давно прошла!

Софи рассеянно кивнула. Она без особого внимания слушала обычные во время каждого разъезда со светского раута злопыхания тетки в адрес присутствовавших там гостей. Обычно Софи снисходительно принимала подобную болтовню Элоизы, давно прославившей вселенской сплетницей. Это было неотъемлемой чертой ее характера. Как правило, подобное злословие по дороге домой продолжалось до тех пор, пока не перемывались косточки каждому имевшему несчастье в тот вечер появиться в гостиной. Но сегодня голова Софи была занята куда более важными мыслями. Они касались лорда Линдхерста.

Утвердительно кивнув в ответ на очередной выпад Элоизы в чей-то адрес, который даже толком не расслышала, Софи откинулась на мягкую спинку сиденья, умоляя Всевышнего не дать тетке заметить охватившее ее волнение. Лорд Линдхерст... Мерзкий негодяй! В этот вечер он показался девушке не только непомерно большим, уродливым и скучным, но еще и нестерпимо нахальным!

Вскоре после того как они с Лидией закончили обсуждать

лорда и его возможное предложение Софи, переключившись на более приятные разговоры о последних купленных нарядах, Его Зануднейшее Сиятельство лорд Линдхерст самолично появился в гостиной и, увидев Софи, без всяких церемоний тут же подсел к ней.

Хотя обычно Софи старалась не замечать его скучного присутствия, естественно, держась при этом в рамках светских приличий, сегодня она внимательно наблюдала за лордом, отмечая каждый его жест. Ей хотелось найти доказательства того, что разговоры относительно намерений Линдхерста сделать мисс Баррингтон предложение руки и сердца – сплошной вымысел.

Однако то, что она увидела, наоборот, подтверждало все слухи и сплетни. Линдхерст ни на шаг не отходил от Софи, всячески стараясь обратить на себя ее внимание. Так обычно ведет себя человек, которому осталось сделать всего лишь один шаг к алтарю. Но нечто тревожило еще больше. Если раньше Софи не сомневалась, что Линдхерсту просто приятно купаться в лучах ее очарования и успеха, то теперь она заметила, что тот явно преследовал и другую цель. Он всеми силами старался оградить Софи от других поклонников, среди которых были и очень интересные ей мужчины. Чуть нахмутив брови или обронив пару вежливых, но весьма многозначительных фраз, этот ужасный человек не без успеха спроваживал подальше любого, кто пытался поухаживать за Софи.

Единственным, с кем подобный номер не прошел, был Юлиан, который позволил себе просто не замечать присутствия сердитого джентльмена, явно имевшего виды на его возлюбленную, и даже ухитрился на несколько минут похитить ее, чтобы сорвать тайный поцелуй.

Софи не могла удержаться от горького вздоха. Поведение лорда Линдхерста выглядело откровенно наглым и нахальным.

Нет, хватит терпеть! Завтра же, когда Линдхерст явится к ней с визитом, о чем он уже громогласно всем объявил, придется, не стесняясь в выражениях, высказать ему все. И о наглом, властном поведении по отношению к ней тоже!

Таким образом, их встреча станет последней. Она навсегда избавится от него!

Тут у Софи замерло сердце. Она на мгновение забыла об ударе, который намеревалась нанести Линдхерсту, и подумала, что скажут родственники, когда визиты лорда в их дом прекратятся. Чем-то он им очень понравился. И значит, ее сразу призовут к ответу: почему сей достойный человек больше не появляется у них в гостиной?

Хорошо, пусть так. Но ведь можно сказать тете и кузену, что лорд Линдхерст потерял к ней интерес. Разве подобное не могло случиться? Она не раз слышала, что такой-то мужчина разлюбил такую-то женщину или просто перестал ею интересоваться. Правда, с ней такого до сих пор не происходило. Ведь она – украшение сезона, и все мужчины в нее

влюблены!

Эта исключительно приятная мысль вдохновила Софи. Действительно, она сейчас купается в лучах славы и всеобщего обожания. А потому тетушка с кузеном вполне могут поверить, будто Линдхерст сам отказался просить ее руки, посчитав себя недостойным такой девушки! Это будет звучать очень убедительно для кого угодно.

Хорошо. Но если они каким-то образом узнают о ее обмане и поймут, что она сама отказала лорду Линдхерсту?

Софи стало не по себе. Ведь тогда тетушка и кузен могут запретить Юлиану бывать у них. Более того: они могут просто отослать ее в имение покойного отца и держать там столько, сколько захотят. Кстати, и тетя, и кузен уже не раз угрожали ей подобным изгнанием. Что тогда делать?

Софи почувствовала, что ее уверенность быстро улетучивается. Мысли лихорадочно заметались. Однако воспоминание о сегодняшнем поцелуе Юлиана вновь укрепило ее решимость. Прекрасно! Если тетя и кузен запретят Юлиану приходить, она станет встречаться с ним тайно. Отошлют в имение? Пусть! Он похитит ее и увезет к себе в Гретна-Грин, где живет с родителями! Тогда Элоиза с Эдгаром уже ничего не смогут сделать, кроме как принять его в лоно своей семьи!

Мысль о тайном бегстве привела Софи в восторг. Она закрыла глаза и стала думать о своем возлюбленном. О, он, несомненно, очень красив! Гораздо красивее Квентина Сомервилла. Хотя Софи знала, что кое-кто с этим никогда не

согласится. А что касается брата Квентина, то...

Незванный образ лорда Линдхерста вдруг всплыл в ее воображении. Софи вздрогнула. Никто, даже Лидия, никогда не стал бы оспаривать очевидный факт, что Юлиан намного красивее Линдхерста! Ну, разве можно сравнить его темно-коричневую шевелюру с отливающей золотом роскошной гривой Юлиана, постоянно пользующегося услугами известного парикмахера! Глаза лорда Оксли похожи на голубое августовское небо. В то время как у Линдхерста...

Софи нахмурилась. Какого цвета глаза у этого лорда? По правде говоря, она никогда их не рассматривала. Запомнила лишь ужасный шрам через всю щеку. И вообще только сейчас Софи поняла, что никогда толком не обращала внимания на черты лица Линдхерста. И не потому, что его внешность казалась ей незначительной. Даже если бы Линдхерст был похож на своего красавца брата, все равно общее впечатление портил бы тот ужасный шрам.

– Софи, дорогая, что с тобой? – донесся до нее голос тетки, сразу рассеявший пугающий образ Линдхерста со шрамом на щеке. – У тебя приступ диспепсии?

– Диспепсии? – переспросила Софи, открывая глаза. Тетушка, сидевшая напротив рядом с кузеном Эдгаром, подалась всем телом вперед и озабоченно сдвинула брови.

– Возможно, это от устриц, – глубокомысленно сказала Элоиза. – Они очень часто вызывают расстройство желудка.

– Неужели? – переспросила Софи, глядя на тетушку от-

существующим взглядом.

Смысл слов Элоизы до нее сначала явно не дошел. Но, поняв, о чем идет речь, она отрицательно покачала головой.

– Нет... Устрицы тут ни при чем... как и что-либо другое. Поверьте, тетя, я отлично себя чувствую. Почему вы заговорили о какой-то диспепсии?

– Потому что у тебя на лице появилось очень странное выражение. – Она сделала паузу и, как обычно, обратилась за поддержкой к сыну: – Не правда ли, Эдди?

Тот бросил быстрый взгляд на Софи, пожал плечами и снова уставился в окошко, недовольно буркнув:

– Мне кажется, что она выглядит прекрасно.

– Это сейчас! А несколько секунд назад у нее было совершенно другое лицо.

Элоиза сжала тонкие губы, демонстративно выражая недовольство безучастностью сына.

– Как опекун Софии, ты просто обязан был заметить это и справиться о ее здоровье, – упрекнула она Эдгара.

– Ладно, – прошипел он и исподлобья бросил недовольный взгляд на Софи. – Ты себя хорошо чувствуешь, кузина?

Когда Софи было всего восемь лет, она лишилась родителей, которые погибли при крушении дорожного экипажа. Ее официальным опекуном стал дядя Джон. Таковым он оставался вплоть до собственной смерти, последовавшей пятью годами позже. Софи очень хорошо относилась к этому отзывчивому, мягкому и покладистому человеку. Но вот со

своим двоюродным братцем Эдгаром она так и не сумела найти общего языка. Почему так получилось, Софи и сама толком не знала.

Ее раздражала манера Эдгара подсматривать и шпионить. Или этот его всегда хитрый, недобрый, оценивающий взгляд человека, имеющего какие-то собственные скрытые цели. Улыбка, появлявшаяся на лице, но никак не отражавшаяся в глазах. А возможно, все объяснялось просто: Эдгару шел уже тридцать третий год, и он вполне мог забыть, каким был в семнадцать лет. В общем, Софи чувствовала себя рядом с кузеном неуютно.

Так было и сейчас. И в ответ на его вопрос девушка невнятно пробормотала:

– Я вполне здорова. Спасибо за внимание.

Софи надеялась, что этот ответ полностью удовлетворит Эдгара и он переключится на что-то другое. Наверное, ангел-хранитель услышал и внял желанию девушки, ибо кузен больше ни о чем не спросил и снова повернулся к окну.

Элоиза же недовольно посмотрела на сына и тяжело вздохнула:

– Что ж, я очень рада это слышать. Видишь ли, Софи, тебе никак нельзя плохо себя чувствовать. Особенно завтра. Потому что память об этом дне ты, несомненно, будешь свято хранить всю жизнь.

– Почему же? – нахмурилась Софи и подняла глаза на тетушку в предчувствии чего-то недоброго.

В ее планах на следующий день предполагалось только чаепитие с леди Неллер и ничем не примечательная вечеринка у Сибрайтов. Ни то ни другое не обещало стать запоминающимся событием.

Пока Софи думала, как отреагировать на неожиданное заявление тетушки, Элоиза ткнула сына веером в бок и прошептала:

– Ну что, Эдгар, сообщим ей потрясающую новость? Или пусть это будет для Софи сюрпризом?

Эдгар вздрогнул от легкого укола веером и, оторвавшись от созерцания плывших за окном экипажа окрестностей, ответил не без ехидства:

– Обязательно все расскажите, чтобы она должным образом оделась. Завтра Софи просто обязана выглядеть как можно лучше!

– Наша Софи всегда хороша, Эдгар! – возразила Элоиза. – Поэтому и получила столь блестящее предложение. – Казалось, что тетушка вот-вот лопнет от нетерпения. Она сжала руку Софи и разразилась потоком долго сдерживаемых чувств: – Это правда, дорогая! Тебе сделано прекрасное предложение. Сегодня Эдгар получил восторженное письмо, а автор этого послания просил разрешения нанести нам визит завтра утром.

Софи смотрела на тетушку, потеряв от ужаса дар речи. Это озадачило Элоизу.

– Ну что? – прошептала она. – Разве не чудесная новость?

Чудесная? Софи показалось, будто что-то очень тяжелое сдавило ей грудь, мешая вздохнуть. Единственным мужчиной, предложения которого она всей душой желала, был Юлиан, но тетушка и кузен явно имели в виду кого-то другого. В противном случае Элоиза постаралась бы поскорее запереть ее на ключ, а не светилась бы от радости, как при виде сказочного принца. Нет, это мог быть только один человек!..

Линдхерст...

В животе у Софи заурчало, как будто она и впрямь отравилась несвежими устрицами. Чувство тошноты еще больше усилилось, когда кузен повернул голову и уставился на нее своими неумолимыми глазами. Софи казалось, что этот испытующий взгляд будет длиться вечно. Эдгар отвел глаза и скорее пролаял, чем произнес:

– Что, девочка? Ты, похоже, даже не хочешь узнать имя своего будущего супруга?

– Не надо, Эдди! – Элоиза снова ткнула сына веером в бок. – Доставь ей удовольствие самой догадаться. Правда, это будет нелегко. – Она очаровательно и гордо улыбнулась. – Особенно при окружающем нашу Софи легионе дыхателей, только и думающих, как попасть в женихи. Что ж, это может быть и один из них. Даже...

– Его имя Линдхерст, – резко оборвал Элоизу сын. – И ты, Софи, должна принять его предложение.

Принять его предложение! Боже! Предложение этого властного, своенравного человека! Софи открыла было рот,

чтобы выразить решительный протест против подобного насилия, но слова застряли у нее в горле, и она смогла лишь истерически вскрикнуть.

– Ты должна поступить так, чтобы он захотел обручиться как можно скорее, – продолжал Эдгар, нарочито не обращая внимания на эмоции кузины. – Может быть, поцелуями и заигрыванием ты даже сможешь склонить лорда к совместной поездке в его фамильное имение в Гретна-Грин.

Софи долго смотрела на Эдгара, беззвучно шевеля губами и стараясь побороть в себе растущую ярость. Это ей не удалось.

– Как ты посмел! – крикнула она в лицо кузену, сжав кулаки. – Как ты осмелился требовать, чтобы я вышла замуж за этого отвратительного человека?! Разве ты не знаешь, что я его глубоко презираю?

Эдгар ответил злобным, громким смехом.

– Да, я осмелился... Осмелился, моя дражайшая сестричка! Потому что лорд Линдхерст стоит семьдесят тысяч годового дохода и является наследником всего состояния маркиза Хирфорда.

– Не Хирфорда, а Биксфорда, – поправила его Элоиза. – Я помню, леди Сибрайт говорила, что его отец – маркиз Биксфорд. Или Хартфорд? – Она покачала головой и тяжело вздохнула: – Право, не знаю, что в последнее время со мной происходит. Просто не могу удержать в голове титулы и имена всех светских львов! Хотя отлично помню, что фамиль-

ное имение лорда Линдхерста находится где-то в Сомерсете. А вообще...

Эдгар досадливо махнул рукой, остановив многословие своей матушки.

– Хирфорд или Биксфорд – какая разница? Честное слово, фамилия не так уж важна. Главное – какое за ней скрывается состояние.

– А как же сам человек? – с вызовом вмешалась в разговор Софи. – Как же быть с моими чувствами?

Она не могла поверить своим ушам. Тетушка и двоюродный братец говорили о ней, как о серебряной ложке, которую решили продать на аукционе.

– Какие еще чувства? – со злостью выпалил Эдгар. Софи в бессильной ярости заколотила кулаками по коленкам.

– Ты считаешь, что вовсе не имеет значения, люблю ли я человека, которого вы предназначаете мне в мужа?!

– Не имеет, – фыркнул Эдгар.

– Но для меня – имеет!

В ответ последовало очередное издевательство.

– Послушай, сопливая девчонка, что ты понимаешь в любви?

– Во всяком случае, куда больше, нежели ты!

Глаза Эдгара сузились, и взгляд стал еще более колючим.

– Что?! Уж не хочешь ли ты сказать, что в кого-то влюбилась?

Софи с вызовом посмотрела на кузена:

– Если желаешь знать, это действительно так!

– Боже мой, Софи!.. Дорогая, – вдруг прохрипела Элоиза, хватаясь за грудь. Так она обычно поступала в минуты волнения или раздражения. – Надеюсь, ты не сделала ничего... Я хочу сказать... не совершила никакой... глупости? Ведь правда?

Вместо Софи ей поспешил ответить Эдгар:

– Успокойтесь, мама! Уверяю вас, Софи ничего страшного пока не совершила. – Он перевел взгляд со своей взбунтовавшейся кузины на задыхающуюся от эмоций матушку. – Она же всегда была у нас на глазах, мама, – спокойно сказал он. – А потому единственное, что Софи могла успеть, – так это раз-другой с кем-то поцеловаться. – Тут он снова посмотрел на кузину. – Ну а теперь, милая моя, скажи-ка, с кем ты целовалась?

Софи гордо подняла голову и с подчеркнутым недоумением пожала плечами:

– Зачем делать трагедию на пустом месте? Кажется, я никогда не скрывала своих чувств к лорду Оксли.

– Ба! Оксли! – воскликнул Эдгар и нахмурился, как будто его оскорбляло даже само имя возлюбленного Софи. – Простой виконт с доходом не больше десяти тысяч в год! – продолжал он. – Оксли мог бы стать неплохой партией для дочери приходского священника. Или для девчонки без каких-либо перспектив. Но ты, дорогая моя, достойна гораздо большего!

– И этим «большим», по-твоему, должен стать Линдхерст? – усмехнулась Софи.

– Да! По-моему, им действительно должен стать именно он. Зачем кидаться на виконта, если тебе предназначен маркиз с огромным состоянием?

– Затем, что я не люблю лорда Линдхерста и скорее соглашусь стать простой виконтессой, связать судьбу с человеком, которого сама выбрала, а не маркизой – женой омерзительного лорда.

Глаза Эдгара превратились в две узенькие щелки.

– Ну и как же ты собираешься прожить на его жалкий доход в десять тысяч фунтов? Ведь только в этом году ты уже потратила гораздо больше на одни украшения и всякие безделушки.

– Ты, наверное, забыл про наследство, которое мне оставил отец? – с вызовом ответила Софи. – Если к этому прибавить десять тысяч фунтов дохода Юлиана Оксли, то мы сможем неплохо устроиться в жизни, уверяю тебя!

– Эдгар, – тяжело пропыхтела Элоиза, – я думаю, что тебе следует сказать...

– Разрешите мне теперь самому заняться этим делом, матушка, – прервал ее Эдгар. – Согласитесь, именно ваша сверхтерпимость сделала Софи такой упрямой. Кроме того... – Тут его тонкие губы сложились в циничную усмешку. – Кроме того, вы сами постоянно напоминаете мне, что я – опекун кузины. Значит, на мне лежит ответственность за

то, чтобы Софи выбрала себе достойного мужа. И я решил, что таковым будет лорд Линдхерст.

– А если я откажусь выйти за него? – отозвалась Софи.

– Тогда тебе придется сесть в тюрьму. Там ты сможешь найти себе достойного избранника среди распутников и бродяг.

Софи опешила. До нее не сразу дошел смысл сказанных кузеном слов. Сначала она подумала, что Эдгар просто пытается сломить ее волю и подчинить себе.

Она посмотрела на него и громко расхохоталась.

– Чему ты радуешься? – удивленно спросил он, выгнув дугой правую бровь.

– Той глупости, которую ты сейчас сказал. Это кто же отправит меня в тюрьму за отказ стать женой лорда Линдхерста? Вот уж действительно насмешил!

– За отказ выйти замуж ты в тюрьму не попадешь. Но тебя посадят туда кредиторы за неуплату долгов, – с мрачной ухмылкой возразил Эдгар.

– Но я расплачусь со всеми долгами! – воскликнула Софи, не обратив внимания на угрожающий тон кузена. – Ты же сам знаешь и не раз говорил мне, что мой капитал составляет шестьдесят восемь тысяч фунтов. Плюс прекрасный доход с отцовского имения.

Эдгар, глядя куда-то в сторону, потер виски, будто они неожиданно разболелись. Потом закрыл глаза и процедил сквозь сжатые зубы:

– Имение продано три года назад. А твой капитал в шестьдесят восемь тысяч фунтов давно растаял.

– Что?! Но этого не может быть! – воскликнула Софи, на мгновение подумав, что Эдгар снова хитрит. – Ты же рассказывал о моем громадном состоянии во всех светских салонах!

– Это была ложь. С ее помощью я купил тебе доступ в высшее общество, ибо был уверен, что благодаря очарованию и красоте ты очень скоро найдешь себе богатого супруга и тем спасешь всех нас от долговой ямы.

– И теперь у тебя есть такой жених! – прочирикала тетушка Элоиза, схватив Софи за руку и крепко сжав ее. – Выйди за него замуж – и у тебя уже никогда не будет проблем с деньгами. Да и у нас тоже!

Софи вырвала ладонь из теткиной руки и с дикой злобой посмотрела сначала на нее, потом на Эдгара, затем – снова на Элоизу.

– Но мое... наследство... Как же...

Эдгар и Элоиза переглянулись, будто желая свалить тяжесть неминуемого объяснения друг на друга. Потом тетушка вздохнула и снова повернулась к Софи.

– Это все произошло по вине дяди Джона, – начала она тягучим, нудным голосом. – Да упокоит Господь его грешную душу и простит патологическую страсть к игорным домам.

– Вы хотите сказать, что дядя Джон проиграл все мое состояние вместе с отцовским наследством?! – воскликнула

Софи, отказываясь поверить, что ее добрый дядя мог оказаться таким негодяем.

Тетушка Элоиза столь энергично замотала головой, что из волос посыпались булавки, украшенные черным агатом.

– О нет, нет! Дядя Джон не тронул ни шиллинга из твоего наследства. Те шестьдесят восемь тысяч фунтов после его смерти остались в неприкосновенности! Он даже сумел сохранить дополнительные двенадцать тысяч годового дохода, который ты получала с отцовского имения.

– Тогда... как же?... Я ничего не могу понять... – проговорила Софи в полном замешательстве, задыхаясь от приступа нервного кашля.

Элоиза бросила умоляющий взгляд на сына. Но, поняв, что с его стороны помощи ожидать не приходится, снова глубоко вздохнула и ответила:

– Что ж... Видишь ли, дорогая, после смерти дяди Джона мы обнаружили, что он оставил колоссальные долги. Был даже найден документ, свидетельствовавший, что Джон заложил Марвуд-Мздор – имение, доставшееся тебе по наследству.

При этих словах Софи даже подпрыгнула.

– Что? Дядя Джон потерял Марвуд? – переспросила она трагическим шепотом.

Софи помнила рассказы покойной матери о том, как счастливо они жили в этом имении, где прошло безоблачное детство Софи. Сама она тоже нередко вспоминала Марвуд с

большой симпатией. И вот, оказывается, имение больше им не принадлежит! Значит, ее будущие дети не будут пускать бумажные кораблики в небольшом уютном пруду!.. Не будут играть в прятки в зеленом лабиринте огромного парка!..

На глазах Софи выступили слезы.

– Человек, у которого оказалась эта закладная, завладел ею через два месяца после смерти твоего дяди, – мрачно проговорила тетушка Элоиза. – Признаться, я никогда не встречала более мерзкой личности. Но, так или иначе... – Тут она тряхнула головой, как бы стараясь отогнать воспоминания о прекрасном Марвуде и мысли о его новом отвратительном хозяине. – Так или иначе, лишившись дохода с имения, мы не смогли выплатить оставшиеся долги. И тогда Эдди не оставалось ничего другого, как занять деньги из твоего наследства, дабы погасить долговые обязательства.

– А если быть точным, то сколько именно ты занял? – спросила Софи, даже не пытаясь скрыть охватившего ее отчаяния.

– Сорок две тысячи фунтов, – огрызнулся Эдгар. – Как твой новый опекун, я имел на это право. И оформил все как положено.

– По закону? Ты что-то не то говоришь. Мне сказали, что доход с имения отца должен был идти на мое содержание. А те шестьдесят восемь тысяч мы получили от продажи процентов с отцовского бизнеса. Эти деньги должны были стать моим приданым.

Губы Эдгара сжались в тонкую жесткую линию.

– О, дорогая, уверяю тебя, что все было сделано строго по закону. Видишь ли, сестричка, в своем завещании твой отец все состояние оставил тебе. Это наследство было передано моему отцу, назначенному твоим попечителем. Таким образом, он получил право решать, как поступать с твоими деньгами. Отец распорядился ими точно в соответствии с планом, о котором ты только что говорила.

– Это был действительно великолепный план, – вставила Элоиза.

Пропустив мимо ушей реплику матери, Эдгар продолжал:

– После смерти моего отца официальным твоим опекуном стал я. Мне же было дано право определять, как распорядиться твоими деньгами. И я решил, что лучше всего использовать их для погашения долгов, оставшихся после смерти моего отца. Это давало нам возможность сохранить для тебя родной дом.

– Н-но какая судьба постигла оставшиеся двадцать семь тысяч фунтов? – сдавленным голосом спросила Софи. – Что стало с завещанным мне отцовским имением?

Настала очередь Элоизы давать объяснения.

– Видишь ли, дорогая, – начала она, – примерно три года назад Эдгар познакомился с человеком, который предложил ему вложить деньги в судоходную компанию, занимающуюся морскими перевозками в Китай. При этом обещал, что очень скоро вложенная сумма непременно утроится. Увидев в этом

возможность вернуть взятые у тебя деньги, а также получить хорошую прибыль и для себя, Эдгар вложил в судоходную компанию все твое оставшееся состояние.

– И? – прошептала Софи, хотя уже наверняка знала, что конец всей этой истории восторга у нее не вызовет.

Тетушка Элоиза отвела взгляд в сторону.

– Человек, предложивший эту сделку, оказался мошенником, – с трудом выдавила она.

– Значит, вы потеряли все. Мое приданое. Завещанное отцом имение... Так?

– Нет. Имения мы не потеряли, – поспешил включиться в разговор Эдгар. – Я продал его, чтобы продержаться эти последние три года. А также дать тебе возможность выглядеть состоятельной леди для вхождения в высшее общество. Мы смогли покрыть примерно половину всех необходимых затрат. Что же касается оставшейся части, то благодаря иллюзии о твоём богатстве торговые фирмы с готовностью расширили предоставляемые нашей семье кредиты.

– Погасить которые ты хочешь с помощью денег моего будущего мужа! – со злостью выпалила Софи.

Элоиза издала звук, похожий на кудахтанье наседки.

– Послушай, милая! – начала она, похлопав себя ладонями по коленям. – Ты не должна так строго судить Эдгара! Он делал только то, что было необходимо для обеспечения твоего же будущего. И все окончательно уладится, когда ты выйдешь замуж за лорда Линдхерста.

– Неужели? А вы подумали, что лорд Линдхерст может сделать, если обнаружит обман? Ведь перед свадьбой родители невесты должны передать семье жениха приданое дочери и подтвердить погашение всех имеющихся долгов. Это известно даже мне.

Эдгар холодно посмотрел на кузину.

– Я уже предупредил лорда, что сын нашего адвоката был ранен в Александрии и отец сейчас поехал за ним. Естественно, на это уйдет не один месяц. – Эдгар, вдруг рассмеялся: – Пока его сиятельство узнает, что никакого адвоката не существует, он уже проведет брачную ночь с молодой супругой. А гордость никогда не позволит такому солидному вельможе, как лорд Линдхерст, признаться кому-нибудь, что его обвели вокруг пальца.

– Возможно, что он и не признается, – прошептала Софи, почувствовав себя, как никогда в жизни, разбитой и усталой. – Но он, несомненно, станет ненавидеть меня и сделает до конца дней несчастной.

– Сестрица...

Эдгару вдруг стало жаль кузину. Он потянулся, чтобы заключить ее ладони в свои, но Софи резко отшатнулась, скрестила руки на груди и бросила на двоюродного брата взгляд, в значении которого невозможно было ошибиться: она была так оскорблена и убита предательством кузена, что не могла этого выразить никакими словами. Эдгар опустил руки, положил ладони на колени и тяжело вздохнул.

– Послушай, Софи, – мягко начал он. – Я отлично понимаю, что вначале тебе будет очень трудно все это понять и пережить. И поверь, мне очень жаль, что так получилось. Однако другого выхода у нас сейчас нет. Но я уверен, что лорд сразу же успокоится и все простит, как только ты подаришь ему наследника.

– А если мне не удастся забеременеть до того, как он узнает правду? Что тогда? Я уверена, что Линдхерст не будет делить постель с женщиной, которую не хочет.

Софи вслушивалась в свой голос и не узнавала его – так тихо и безнадежно он звучал...

Эдгар озадаченно посмотрел на кузину, почесал затылок и, помолчав, неуверенно сказал:

– В таком случае нам остается только надеяться, что похоть лорда Линдхерста окажется сильнее его гордости.

Эти слова Эдгара заставили Софи вздрогнуть от отвращения. Она даже представить не могла, что когда-нибудь ей придется столкнуться с похотью лорда Линдхерста. Но выбора, похоже, у нее не было.

Итак, лорд Линдхерст или тюрьма...

Глубокое отчаяние рыданиями рвалось из ее груди. Действительно, что оставалось делать? Неужели нет выбора, кроме...

Глава 2

– Милорд!

Николас Сомервилл, граф Линдхерст, бросил на пол порванный галстук и взглянул на ботфорты, принесенные слугой для одобрения. Критически прищурившись, он внимательно изучил их блестящие задники, стараясь обнаружить хоть малейшее пятнышко. Ничего не найдя, Николас одобрительно кивнул слуге и, повернувшись к зеркалу, опять принялся священнодействовать над галстуками...

Обычно он завязывал их легко, абсолютно не задумываясь. Однако сегодня эти длинные накрахмаленные предметы мужского величия упорно отказывались затягиваться ровным узлом на шее хозяина. В результате, измятые и разорванные, они в беспорядке валялись у его ног. Правда, это утро было особенным для Николаса Сомервилла. Не сравнимым ни с каким другим. Сегодня все должно было обстоять как никогда торжественно.

Он готовился сделать предложение руки и сердца мисс Баррингтон.

Это означало, что все, даже мельчайшие, детали внешности и одежды просто обязаны выглядеть безупречно. Поэтому Николас тут же взял из стоявшей рядом коробки очередной новый галстук и попытался завязать аккуратным узлом.

– Милорд, это подойдет?

Милорд же тем временем успел порвать и этот галстук, после чего с досадой обернулся к своему верному слуге. Тот стоял, почтительно держа в руках модный и богато расширенный жилет – подарок брата Квентина на день рождения.

На какое-то мгновение сюртук показался Николасу подходящим и имеющим все шансы на успех даже у такой признанной модницы, как мисс Баррингтон. Но затем он покачал головой и вновь занялся галстуками, бросив через плечо слуге:

– Сюртук слишком яркий для такого случая, Джордж. Надо подобрать что-нибудь построжее. – И, с раздражением посмотрев на валявшуюся у его ног груды испорченных галстуков, добавил: – Ведь нам бы не хотелось, чтобы мисс Баррингтон подумала, будто ее жених выглядит фатом. Ведь так, Джордж?

Слуга угодливо улыбнулся:

– Милорд, даже если вы густо нарумяните щеки, а на одежду наложите дюжину заплат, все равно останетесь в глазах общества образцом светскости и галантности. Вашу красоту иначе оценить невозможно.

На этот раз засмеялся Николас:

– Вы рассуждаете как хороший и преданный слуга, Джордж. Напомните, чтобы я увеличил вам жалованье.

– Вы всегда были слишком щедры, милорд, – мягко возразил слуга, направившись к стоявшему у дальней стены большому платяному шкафу. – Но если мне будет позволено,

то я осмелюсь высказать свое мнение: обручившись с вами, мисс Баррингтон должна почувствовать себя самой счастливой женщиной в мире!

– Видите ли, Джордж, мисс Баррингтон пока еще не приняла моего предложения, – холодно ответил на лесть слуги Николас.

– Но примет! Вы же считаетесь одним из самых красивых и представительных мужчин во всей Англии. Неужели она сможет отказать?

«Действительно, неужели?» Николас задумался, сорвал с шеи очередной непонравившийся галстук и бросил в общую кучу. Итак, он дает этой женщине старинную и уважаемую фамилию, высокий титул и большое состояние. Оно считается одним из самых богатых в стране. Обладая всем этим, Николас может себе позволить выбрать в жены самый яркий цветок нынешнего сезона. Его свадьба обещает стать значительным событием в столице и иметь широкий резонанс.

Он выбрал мисс Баррингтон.

Погруженный в эти мысли, Николас вытащил еще один галстук и обвязал им воротничок сорочки. Очаровательная, юная Софи Баррингтон! Он вовсе не думал о ней, когда собрался жениться. И вообще она не принадлежала к категории женщин, которые обычно занимали его воображение.

Перевернув в прошлом январе двадцать восьмую страницу своей жизни, Николас Сомервилл, граф Линдхерст, якобы уступил настояниям матери и согласился наконец же-

ниться. Так считалось. Но на самом деле отнюдь не давление со стороны матери заставило его решиться на подобный шаг. Хотя Николас всячески поддерживал подобное заблуждение своей родительницы, истина заключалась в том, что уже довольно давно он дал себе обещание: если до двадцати восьми лет не влюбится, то приедет в Лондон и просто выберет в жены подходящую «мисс».

Ироничная усмешка тронула губы Николаса. «Мисс» было не совсем подходящим словом для того типа девушек, среди которых он желал бы найти невесту. Так обычно называли совсем юных, свеженьких девочек, только что окончивших учиться. Николас же хотел получить вполне созревшую девушку, которая могла бы не только стать хорошей женой и любящей матерью его детей, но также и серьезной партнершей в управлении огромным имением.

Такую жену он решил выбрать из числа девушек, которые в течение нескольких сезонов жили за пределами Лондона. Она должна быть не старше, но и не моложе двадцати двух – двадцати трех лет. К этому возрасту девушка обычно успевает вырасти из глупостей, столь свойственных подросткам и совсем еще юным девицам.

Словом, Николас Сомервилл искал для себя здравомыслящую жену.

Однако ситуация, похоже, складывалась совсем не так, как задумывалось. Его избраннице всего семнадцать лет. Голова у нее набита всяким вздором. Но красива – как богиня!

Подобный выбор казался довольно странным для мужчины, всегда предпочитавшего женщин скорее умных, нежели красивых.

Николас вздрогнул и постарался скорее отогнать эти мысли. Он и сам не очень понимал, почему все так получилось. Но знал наверняка, что каким-то образом попал в сети, откуда вырваться будет не так уж легко. Но все же лорд Линдхерст бурно, как одержимый, ринулся в борьбу за сердце и руку мисс Баррингтон и теперь вроде бы оказался близок к цели. Он женится на этой девушке!

Возможно, одной из причин тому была его природная страсть к соперничеству. А может быть, впитанное с молоком матери стремление к собственничеству. Да и в конце концов Николас был наследником богатого, всесильного маркиза Бересфорда и привык брать от жизни все самое лучшее. А потому желание заполучить самую красивую женщину сезона выглядело вполне естественным. Кроме того, он хотел ее. Хотел обладать мисс Баррингтон. И твердо вознамерился своего добиться.

В высоком смысле слова Николас не любил свою предполагаемую невесту. Но она ему очень нравилась. Софи была очаровательной. Милой. Веселой. Даже необычайно веселой. А то, что темы ее разговоров были ограничены довольно легковесными шутками, не очень пугало лорда Линдхерста. Он уже давно принял к сведению, что Софи относится к категории не очень умных созданий, на которых мужчины

женятся не ради философских бесед, а чтобы иметь возможность появляться в светском обществе с блистательной супругой. А у Софи было все, чтобы предстать перед аристократической элитой в подобном амплуа.

С ее пышной гривой золотистых локонов, мягким взглядом серых глаз и гибкой фигурой, она с первого своего выезда в свет стала предметом вожделения каждого мужчины. И естественно, зависти всех без исключения женщин... Не может быть никакого сомнения, что она подарит ему прекрасных детей, о которых Николас Сомервилл мечтал...

Как и всегда, при одной мысли о своей будущей плотской любви с мисс Баррингтон в паху вспыхнул настоящий пожар. Руки задрожали, а восьмой по счету галстук был брошен на пол. О, какие же это опасные мысли! В присутствии Софи лорд Линдхерст всегда старался не допускать их, чтобы бриджи, вздувшись в некоем пикантном месте, не выдали его непреодолимого желания...

Он взглянул в зеркало и состроил себе сочувственную гримасу. Что ж, до свадьбы ему придется сосредоточиться на других, не таких волнующих и опасных прелестях божественного тела мисс Баррингтон. Николас потянулся к коробке, вытащил оттуда еще один галстук и принялся завязывать его, продолжая размышлять.

Гм-м... Ну, положим, с ее легким очарованием и безупречными манерами Софи могла бы стать хорошей хозяйкой во время всякого рода званых вечеров, приемов, празд-

неств, памятных дат с приглашением гостей и прочих домашних раутов. Очень важно также, что она принята в высших аристократических кругах... И это притом, что отец Софи был простым торговцем. Кажется, занимался сбытом одежды.

Николас нахмурился. Он не мог понять, как мать Софи, будучи дочерью знатного графа и одной из самых красивых женщин того времени, могла позволить себе подобный мезальянс. Хотя надо отдать должное Вальтеру Баррингтону: в молодости он пользовался репутацией лихого мужчины. Уж не говоря о том, что был очень богат. Но все же принадлежал к низшему классу, а потому всегда считался «не тем» мужем для девушки со столь знатным происхождением...

Дочери такого человека нелегко было бы пробиться в высшее общество, если бы в ее воспитании не приняли горячее участие брат матери и его жена – граф и графиня Марвуд. К счастью для мисс Баррингтон, высший свет простил ей низкое происхождение и принял в свое лоно как дочь Марвудов.

Конечно, граф Марвуд не был уважаемым вельможей. Этому мешала его достойная сожаления репутация завсегда-тая игорных домов. Но все же он был знатен и сумел воспитать свою племянницу в традициях высшей аристократической элиты. Позже его сын Эдгар добился, чтобы Софи получила лучшее образование, для чего отправил кузину в Бат, в элитный колледж леди Бил.

Как только Николас подумал о последнем графе из рода

Марвудов, его пальцы застыли на еще не завязанном узле очередного галстука. Что-то сложилось не так в отношениях лорда Линдхерста с этим человеком. А что именно, он и сам не знал. Не то чтобы граф Марвуд совершил какие-то проступки или деяния, за которые его можно было бы осуждать или даже ненавидеть. Но тем не менее неосознанное враждебное чувство Николас к нему испытывал всегда.

Он снова тяжело вздохнул. Ладно! Какое все это сейчас имеет значение? Ведь он собирается жениться на мисс Баррингтон. С семейством Марвудов ему, вероятно, не часто придется встречаться, ибо он любит город, а они предпочитают провинцию. Наверное, там они и будут постоянно жить, лишь изредка навещая столицу.

Придя к такому ободряющему выводу, Николас снова занялся галстуками. И к своему удивлению, наконец-то ему удалось без особого труда завязать ровный узел.

– Милорд, вот этот, мне кажется, должен подойти.

Николас взглянул в зеркало и увидел позади себя Джорджа, державшего в руках жилет – в синюю и золотую полоску. Не поворачиваясь, он кивнул слуге и поднял руки, чтобы тот надел на него жилет.

Когда последняя золотая пуговица была застегнута, а складки жабо расправлены, Николас сел на край туалетного столика и позволил Джорджу натянуть на 'ноги сапоги. После чего вынул из ящичка часы с пристегивающимся к пиджаку кармашком, украшенным фамильными драгоценно-

стями.

Слуга тем временем внимательно осмотрел лорда с ног до головы.

– Милорд, – сказал он, – мне кажется, что ваш новый коричневый пиджак очень подойдет к этому жилету.

Николас подумал несколько мгновений и утвердительно кивнул:

– Пожалуй, вы правы, Джордж.

– И обязательно наденьте новую шляпу. Ту, с загнутыми полями. Вам она очень к лицу. Кроме того, такие сейчас в моде.

– Я должен обязательно выглядеть модным, – согласился Николас, скрывая чуть насмешливую улыбку по поводу утонченно-подобострастного лексикона слуги.

– О, а ваши желтые перчатки, милорд?! – воскликнул Джордж. – Не забудьте их!

– Да, да! Желтые перчатки просто необходимы!

Когда Николас был полностью одет, он посмотрел на себя в зеркало и сказал Джорджу:

– Пожалуйста, попросите миссис Херберт подождать меня в холле с корзинкой клубники, которую я на днях выписал из Хоксбери. А Уикс пусть подаст экипаж к подъезду.

Пора было отправляться к невесте.

– Приехал лорд Линдхерст, – объявила тетушка Элоиза, с шумом врываясь в комнату Софи. – И только посмотри, что он тебе привез! – Она поставила на пол огромную корзи-

ну с ягодами. – Клубника! Он прислал ее из своего имения. Не помню, как оно называется... Кажется, Хенсбери... Или Бердбери? – На мгновение она задумалась. Потом досадливо махнула рукой. – Боже мой, какое это имеет значение! Главное, что он подарил именно клубнику – значит, узнал, что ты к ней равнодушна. Какой добрый, внимательный человек! Держу пари, что он будет самым любящим и преданным мужем на свете!

«Это будет продолжаться до тех пор, пока не откроется наш обман!» – хотела возразить Софи, но сдержалась, заметив за спиной тетушки одну из ее служанок. В любом доме слуги очень любят посплетничать, а потому в их присутствии следует вести себя осторожно и не говорить лишнего. Равно как и стараться создать у прислуги иллюзию полного благополучия в доме. Даже если кругом рушится чуть ли не весь мир.

С трудом заставив себя следовать этому мудрому правилу, Софи села за туалетный столик. Служанка встала за ее спиной и принялась приводить в порядок волосы молодой хозяйки. Стараясь справиться с охватившим ее волнением, девушка ни слова не проронила о лорде Линдхерсте. Мадемуазель де Лаклуа – так звали эту девушку – все же заметила ее волнение, но отнесла его на счет готовящегося брачного предложения. Поэтому все утро Софи была вынуждена выслушивать от нее такие славословия в адрес будущего жениха, что подумала, не влюблена ли, часом, сама де Лаклуа в

лорда Линдхерста...

Эта мысль несколько развеселила Софи, и чтобы не рассмеяться, она перевела взгляд с отражения служанки в зеркале на корзинку с клубникой. В душе она призывала мадемуазель поскорее покончить с прической, ибо от непрекращающейся болтовни де Лаклуа и постоянных уколов шпильками у нее разболелась голова... Боль усугублял и бурный восторг тетушки по поводу корзинки с ягодами.

– Господи! Какая божественная клубника! – причитала Элоиза, размахивая от возбуждения руками. – Ты только посмотри! Каждая ягода такая сочная и ароматная! Я уверена, что во всем Лондоне нельзя найти ничего подобного.

Со счастливейшей улыбкой, как будто подарок лорда предназначался лично ей, Элоиза взяла одну ягоду и попыталась положить ее в рот Софи, но та отклонилась и отрицательно покачала головой. Если бы клубнику подарил кто-то другой, Софи с большим удовольствием съела бы не одну ягоду, а полакомилась бы вдоволь еще до завтрака. Но это подарок Линдхерста...

Линдхерст... Или тюрьма... Мрачный призрак тюрьмы «Кинг Бенч», куда обычно сажали несостоятельных должников, стер с ее лица и без того вымученную улыбку.

– Спасибо, тетушка! – со вздохом сказала Софи. – Но я еще не успела проголодаться. Чуть позже, когда появится аппетит, я с удовольствием попробую эти ягоды.

За ее спиной раздалось негромкое мурлыканье мадемуа-

зель де Лаклуа:

– Не лукавьте, мисс! Мы ведь отлично понимаем, что дело не в аппетите. Вы просто нервничаете! Не так ли? Впрочем, в этом нет ничего удивительного: не каждый день девушка получает предложение руки и сердца от такого неотразимого мужчины, как лорд Линдхерст. Или я не права?

Софи ответила натянутой улыбкой, которую служанка расценила как одобрение своих слов.

– Ничего! – продолжала тараторить мадемуазель. – Не волнуйтесь. Его сиятельству будет достаточно взглянуть на вас, чтобы самому начать нервничать и волноваться! Мисс Баррингтон сегодня выглядит просто божественно! Не правда ли, мадам Элоиза?

– Да, ты действительно сегодня хороша как никогда! – кивнула в ответ тетушка. Она взяла с пола корзинку с клубникой и поставила на туалетный столик рядом с еще не раскрытой коробкой конфет, присланных тоже лордом Линдхерстом, но днем раньше. Потом отошла на шаг и некоторое время следила за тем, как служанка прилаживала к волосам Софи шелковую голубую ленту.

Следующие несколько минут прошли при полном молчании: мадемуазель де Лаклуа сосредоточенно прикидывала, завязать ли ленту бантом или просто вплести в локоны. Затем Элоиза попыталась обсудить с Софи, какие серьги сегодня лучше надеть – с жемчугом или в виде больших золотых колец? Но та отвечала невпопад, поскольку мысли ее были

далеко: она подсчитывала, хватит ли ей денег, оставленных на мелкие расходы, чтобы купить билет во Францию.

Когда она пришла к заключению, что сможет доехать только до Дувра, раздалось радостное восклицание мадемуазель де Лаклуа:

– Готово!

Служанка победоносно оглядывала голову Софи. И не без основания. Прическа молодой хозяйки являла собой настоящее произведение искусства. С каждого виска ниспадал только один локон. Все остальные волосы были зачесаны назад и заколоты на затылке таким образом, что аккуратно завитые локоны закрывали шею и падали на спину. Голубая лента изящно охватывала голову, заканчиваясь роскошным бантом у левого виска.

Даже сама Софи, несмотря на отвратительное настроение, не могла не признать, что прическа получилась очень эффектной. Одно было досадно: вся эта филигранная работа, выполненная с несравненным искусством, была проделана лишь для того, чтобы... прельстить лорда Линдхерста! Стоил ли он этого?!

– Замечательно! – воскликнула тетушка Элоиза. – Вы сегодня превзошли самое себя, мадемуазель!

Не страдая излишней скромностью, мадемуазель утвердительно кивнула:

– Да. Вы правы, мадам Элоиза. Теперь мне осталось только одеть молодую госпожу вон в то прекрасное платье и укра-

сать драгоценностями. И мисс Баррингтон будет вполне готова к встрече с его сиятельством лордом Линдхерстом.

При напоминании об ужасном долге, который ей предстоит сейчас исполнить, Софи не смогла удержаться от брезгливой гримасы. Будь ее воля, она никогда, даже за все самые роскошные наряды мира, не приняла бы предложения омерзительного лорда!

К несчастью для Софи, обе стоявшие рядом женщины заметили недовольное выражение на ее лице. Но прежде чем служанка открыла рот, чтобы высказаться, Элоиза по глазам поняла ее намерение и властно сказала:

– Вы можете идти, мадемуазель. Мне надо поговорить с племянницей тет-а-тет.

– Но как же быть с платьем, мадам? К нему надо пришить испанские рукава. Иначе оно не будет смотреться.

– Я вполне могу сделать это сама, – возразила Элоиза очень строгим голосом.

Видя, что служанка все еще мнетя, Элоиза хлопнула в ладоши.

– Все, все, мадемуазель! Идите! Я должна обсудить с этой девушкой кое-какие деликатные вопросы, прежде чем она спустится вниз. А мы не можем заставлять лорда Линдхерста ждать дольше, чем требуют правила приличия.

– Деликатные вопросы? – переспросила молодая француженка, на лице которой тут же отразилось явное любопытство. – А! Вы хотите обсудить предстоящий свадебный

ужин! Ведь так?

– Свадебный ужин? – в свою очередь, переспросила Элоиза, слегка покраснев и почувствовав себя почему-то неловко. – Да, да! Именно свадебный ужин... Да!

Француженка хихикнула и бросила многозначительный взгляд на Софи.

– Вы догадались, что имеет в виду ваша тетья, мисс Баррингтон? Она желает посвятить свою любимую племянницу во все детали, связанные со свадьбой. Чтобы та ничего не боялась. Понятно?

Софи молча кивнула. Подобная перспектива заставила ее почувствовать себя еще более потерянной и жалкой. Так, прекрасно! Ей предстоит выслушать советы тетушки о том, как вести себя в постели лорда Линдхерста во время брачной ночи! Этого только еще не хватало! В душе Софи неудержимо росло глубочайшее отвращение ко всему предстоящему. Но она все же сумела взять себя в руки и спокойно сказала служанке, которая никак не хотела уходить:

– Благодарю вас, мадемуазель. Его сиятельство, несомненно, будет очень доволен вашей работой.

Софи подумала, что в этих словах не было ни капли лжи. Мадемуазель де Лаклуа, бесспорно, заслужила подобный комплимент...

Посмотревшись в зеркало, Софи нашла, что выглядит вполне свежей, как будто спокойно провела недели две на природе. А ведь всю прошлую ночь она не сомкнула глаз ни

на минуту! Наверное, это было благословение Господне... Поскольку если бы предполагаемая невеста сегодня плохо выглядела, то лорд Линдхерст мог лишиться раз задуматься, прежде чем делать предложение. И тогда... Тогда – долговая тюрьма! А там, как ей уже успели рассказать, девичья красота увядает меньше чем за один день.

Вздрогнув от страха перед самой возможностью подобного исхода, Софи встала и буквально влезла в новое платье, которое тетушка уже держала наготове. Не видя причин после ухода служанки притворяться перед теткой доброжелательной и веселой, она замолчала и погрузилась в грустные размышления. Как избежать этого ужасного замужества? Софи перебрала десятки вариантов, но все они были нереальными. Последним взлетом болезненной фантазии стала мысль: а не симулировать ли собственную смерть? Но тут тетушка схватила ее за руку и повернула лицом к зеркалу.

– Полюбуйся, милая, – сказала Элоиза. – Это платье, как никакое другое, годится для девушки, которой собираются сделать предложение руки и сердца! Оно очаровательно, сшито с утонченным вкусом, рассчитано на девушку молодую, но уже достаточно взрослую, чтобы выйти замуж.

Софи смотрела на свое отражение в зеркале и вдруг поймала себя на мысли, что впервые в жизни делает это без всякого интереса к собственной внешности. Платье было совершенно новым. Его сшили каких-нибудь два дня назад. Но

Софи в нем сразу стало холодно. Конечно, возможно, тому виной не пришитые еще испанские рукава, о которых говорила мадемуазель де Лаклуа... Хотя Софи показалось, что это символизирует ее подлинное, очень холодное отношение к лорду Линдхерсту и предстоящему вынужденному браку с ним.

– Бедняжка моя! – тихо сказала тетушка Элоиза. – Я знаю, что сегодня для тебя тяжелый день. Поверь, мне тоже очень нелегко. Говорю об этом совершенно честно. Если же могу что-то для тебя сделать, чем-то помочь – то я всегда готова! Ты сама отлично знаешь...

Поскольку Софи не ответила, а продолжала смотреть в зеркало, Элоиза сделала еще одну попытку:

– Умоляю тебя, поверь: когда я говорю, что хотела только добра, то... то...

Голос Элоизы задрожал, она начала задыхаться от рвавшихся наружу рыданий.

Софи увидела, как по щеке тетушки скатывается крупная слеза. Да, Элоиза страдала. Страдала неподдельно. И решимость Софи никогда не прощать ее стала ослабевать...

Справедливость требовала признать, что главная вина за содеянное ложилась на Эдгара, а отнюдь не на его матушку. К сожалению, бедняжка все поняла, когда было уже поздно...

Произнеся про себя оправдательный приговор тетушке, Софи повернулась к ней и обняла.

– Мне нечего вам прощать, тетя Элоиза, – прошептала она. – Поверьте! Ведь не вы пустили на ветер мое наследство, а Эдгар. Его же я не прощу никогда.

Элоиза прильнула к племяннице, как будто именно в Софи заключалась ее единственная надежда на искупление всех грехов перед днем Страшного суда.

– Ты не должна быть столь суровой к Эдгару, – тихо сказала она, растягивая каждое слово и тяжело вздыхая. – Он переживает все случившееся не меньше, чем я.

Софи была готова держать пари, что тетушка не ошибается. Эдгар и впрямь был на грани отчаяния. Это стало ей ясно после последних слов кузена, сказанных накануне:

– Послушай, девочка. Ты стараешься сделать все, чтобы расстроить свой брак с лордом Линдхерстом. Но запомни: клянусь тебе, что я возьму свою мамашу и убегу с ней в Америку. А тебя оставлю здесь на растерзание кредиторам!

По тону Эдгара можно было не сомневаться, что это не просто угроза.

Все еще находясь под впечатлением разговора с двоюродным братом, Софи открыла было рот, чтобы рассеять радужные надежды тетки на раскаяние ее сына. Но, взглянув на Элоизу, она решила оставить все как есть. Тетушка смотрела на нее таким открытым и честным взглядом, что невозможно было сомневаться: она глубоко и до конца уверена в добродетельности Эдгара. Пытаться разрушить эти иллюзии было бы бесчеловечно.

– Что сделано, то сделано! – пробормотала она. – Изменить сейчас уже ничего нельзя. Я должна выйти замуж за лорда Линдхерста. Видимо, это судьба!

– Да, ты должна так поступить! – согласилась Элоиза. – Но этот брак ни в коем случае не станет для тебя мучением.

Софи скептически посмотрела на тетку:

– Вы так думаете?

Элоиза утвердительно кивнула и освободилась из объятий племянницы, все еще держа в руках вконец измятые испанские рукава от ее нового платья.

– Линдхерст очень богат, дорогая, – зашептала она, – и, бесспорно, обожает тебя. Это значит, что его карманы будут всегда в твоём распоряжении. Ты представляешь, сколько всяческих удовольствий ты сможешь получать за эти деньги?

– Все это так, тетушка. Но я же не могу все время бегать по магазинам и развлекаться. Хочешь не хочешь, а придется возвращаться домой, к его сиятельству, и терпеть его занудное общество.

– Последнее вовсе не обязательно. У тебя должно быть развлечение на каждый вечер. Я знаю многие супружеские пары, которые и видятся друг с другом мельком на балах или званых вечерах. А как замужняя дама ты сможешь свободно танцевать, флиртовать и болтать с кем захочешь. Несколько мгновений Софи обдумывала то, что услышала от тетки, потом вспомнила, как женатые мужчины тотчас же исчезают, едва приехав на бал, и кивнула Элоизе в знак согласия. Ибо

все только что сказанное тетушкой выглядело очень даже заманчиво... Конечно, если только лорд Линдхерст не принадлежит к категории мужчин, которые начинают избегать светских развлечений на следующий же день после алтаря. Когда же Софи поделилась своими сомнениями с тетушкой, та в ответ лишь усмехнулась и засуетилась около нее, прилаживая к платью испанские рукава. Но, видя, что племянница ждет ответа, сказала с хитрой улыбкой:

– Но ведь можно пригласить гостей на ужин к себе.

– А если лорд окажется одним из тех скучнейших типов, которые предпочитают обитать в каком-нибудь очень отдаленном имении?

– Везде бывают семейные вечера с приглашением гостей. Например, у леди Берберри за последние пятнадцать лет они устраивались настолько часто, что в среднем приходилось по пять гостей на день, если не больше.

– Это в какой-то степени решает проблемы на день и вечер, – тихо сказала Софи, слегка покраснев. – Но ведь остаются еще и ночи. А тогда лорд Линдхерст непременно будет настаивать, чтобы я пустила его в свою постель.

При последней фразе в голосе Софи прозвучали почти панические нотки.

Элоиза перестала суетиться и обняла племянницу за талию.

– Ты должна поступать точно так же, как делают в подобных случаях другие женщины, – мягко сказала она. – Поста-

райся думать в постели о чем-то другом... более приятном. Ну, скажем, о новых нарядах, которые теперь сможешь купить на деньги мужа.

– Я очень сомневаюсь, что смогу сосредоточиться на нарядах в тот момент, когда... во время этого... – обреченно прошептала Софи.

Ей вспомнились некоторые пикантные рассказы младшего брата Лидии о том, что порой происходит при подобных обстоятельствах между мужчиной и женщиной. Она содрогнулась при мысли, что и ей предстоит вдруг нечто подобное. Скажем, в критический момент читать Линдхерсту какие-нибудь похотливые стишки и одновременно щекотать пером его голую задницу...

У Софи подкосились ноги. Она упала бы, если бы ее не поддержала Элоиза. Посадив племянницу на стул, тетушка дала ей очередной совет:

– Если ты не сможешь думать о нарядах, то представь на месте лорда Линдхерста кого-нибудь другого. Хотя бы твоего возлюбленного Оксли.

– Это невозможно, тетя Элоиза! Хотя бы потому, что Линдхерст такой... такой... большой!

– А ты закрой глаза. – Видя, что успокоить Софи не удастся, тетушка Элоиза глубоко вздохнула. – Что ж, если лорд Линдхерст похож на других мужчин, то ему хватит нескольких минут, чтобы удовлетворить свое желание. После чего он оставит тебя в покое. А если ты подаришь ему наследника

или сразу двух, то, возможно, вообще потеряет к тебе всякий интерес как к женщине. Для удовлетворения же своей похоти заведет любовницу.

– Это в случае, если наш брак продлится достаточно долго и он успеет сделать мне ребенка, – напомнила Софи тетушке одно из своих самых серьезных опасений. – Что будет, если я не смогу сразу зачать? Ведь это может уязвить мужскую гордость Линдхерста. Разве не так? Он даже может расторгнуть наш брак. Вы знаете, что подобное нередко бывает. Что тогда с нами станется? Всем известно, что суды всегда решают дело в пользу властных и богатых истцов. Именно таких, как лорд Линдхерст.

Лицо Элоизы сразу стало угрюмым. Она помедлила несколько мгновений, потом отвела глаза и сказала:

– Тогда тебе надо с первой ночи очень стараться в супружеской постели.

– Вы хотите сказать, что... – Софи не договорила, испугавшись, правильно ли поняла слова тетки.

Элоиза утвердительно кивнула в ответ на недосказанный вопрос племянницы:

– Да, именно так. Ты должна как можно чаще вступать с мужем в супружеские отношения. Пока он не узнал правду, которую мы хотели бы скрыть. Софи, ты ведь молодая и здоровая девушка. И у тебя не должно быть никаких проблем с беременностью. Надо только чуть постараться...

Поскольку Софи начала хныкать от отчаяния, Элоиза опу-

стилась перед ней на колени и взяла в свои руки ладонь девушки.

– Я понимаю, что перспективы чего-то нежелательного и раздражающего всегда вселяют беспокойство и портят настроение. Но не вижу другого выхода. Поверь, я просто не знаю, как поступить иначе. Кроме того, если ты будешь слушать мои советы, твое будущее может оказаться не таким уж невыносимым.

– Да, – ответила Софи слабым, бесцветным голосом. – Мне надо будет только закрыть глаза и думать о чем-то приятном...

Глаза 3

И вот момент, которого она так боялась, наступил.

– Улыбайся, милая, – проворчала Элоиза, остановившись перед закрытой дверью гостиной.

Софи выдавила улыбку, буквально приказав уголкам губ подняться вверх. Изобразив таким образом радость, насколько это было возможно, она взглянула на тетку, ожидая одобрения. Но такового не последовало.

Попытки племянницы выглядеть захлебывающейся от счастья тетушку явно не удовлетворили. Она недовольно покачала головой:

– Ну, нет! Совсем не то! Это никуда не годится! Ты похожа на старую деву, страдающую от разлившейся желчи. Детка, надо выглядеть счастливой, а не тяжелобольной!

– Тетушка, но я ведь действительно больна! – простонала Софи.

Это была сущая правда. Ее голова раскалывалась от невыносимой боли. В животе бурчало. И вообще единственное, чего сейчас Софи хотела бы больше всего на свете, – так это вернуться в свою полутемную комнату, лечь в постель и с головой закутаться в одеяло.

Тетушка сокрушенно зацокала языком.

– У тебя просто болезненное воображение на нервной почве. Ничего больше! В подобных обстоятельствах – впол-

не нормальное явление.

– Ну, я не назвала бы это нормальным, – едва выговорила Софи, почувствовав себя совсем разбитой.

– Тем более ты должна заставить себя улыбаться. Даже через силу!

И Элоиза продемонстрировала Софи, как той надлежит улыбаться.

– Мы не можем допустить, чтобы сегодня лорд Линдхерст застал тебя не в духе! Надеюсь, это ты понимаешь? Он может все неправильно истолковать и решить, что ему нужна более доброжелательная невеста.

Софи сокрушенно вздохнула и постаралась придать своему лицу довольное выражение. В конце концов, тетушка права. Конечно, следует сделать вид, будто предложение лорда ее очень взволновало. Иначе он просто не поймет, почему она хочет по возможности ускорить их бракосочетание.

После нескольких мучительных попыток придать лицу требуемое выражение Софи посмотрела на тетку:

– Ну а так? Лучше?

Элоиза наклонила голову сначала в одну сторону, потом в другую.

– Гм-м... Сейчас немного лучше. Хотя все же твою улыбку нельзя назвать очень уж... Как бы это сказать?.. А! Нельзя назвать лучезарной.

Софи улыбнулась пошире, приоткрыв рот и обнажая белоснежные зубы.

– А сейчас?

Настала очередь вздохнуть тетушке Элоизе:

– Что ж, пусть хотя бы так, если ты не способна ни на что лучшее. Будем надеяться, что лорд Линдхерст посчитает это просто проявлением сдержанности и девичьей стыдливости.

Произнеся такой не очень вдохновляющий приговор, тетушка открыла дверь и пропустила племянницу вперед. Та с плохо скрываемым нежеланием переступила порог гостиной.

Как только они вошли, Линдхерст, сидевший на самом краю стула, неестественно прямой, будто проглотил палку, вскочил на ноги и отвесил обеим женщинам церемониальный поклон:

– Здравствуйте, леди Марвуд! Очень раз вас видеть, мисс Баррингтон!

Элоиза в ответ приветливо кивнула. Софи же застыла на месте и только чуть больше обнажила жемчужный ряд ровных зубов. Ни на что другое у нее не хватило сил.

Некоторое время обе стороны молча разглядывали друг друга, ожидая, кто заговорит первым. Затем, как это часто бывает, тетушка и лорд неожиданно и невпопад заговорили сразу оба. На лице Элоизы заиграл яркий румянец, а Николас вдруг поперхнулся и долго откашливался. Потом так же одновременно они замолчали.

Прошло еще несколько секунд. Никто не решался первым вступить в разговор. Наконец его сиятельство вежливо скло-

нил голову и произнес:

– Прошу вас, леди Марвуд, продолжайте.

Тетушка, в свою очередь, слегка поклонилась и сказала: – Я говорила, что ваш визит, видимо, продиктован желанием поближе познакомиться с моей племянницей. И вам будет, наверное, удобнее поговорить с ней наедине.

– Вы угадали, леди Марвуд, – улыбнулся Линдхерст.

Софи не видела выражения лица Николаса, ибо была занята разглядыванием аккуратного узла на его галстуке и, как всегда, отводила взгляд от пересекавшего щеку лорда шрама. О том, что Линдхерст улыбнулся, она догадалась по звучанию его голоса.

– Что ж, тогда... – Элоиза незаметно подтолкнула Софи вперед, – тогда я пожелаю вам приятно провести время.

Бесцеремонный тычок в спину веером вывел Софи из себя, но она сдержалась и промолчала. Изобразив застывшими от напряжения губами нечто похожее на улыбку, она сделала вид, будто ничего не произошло, и шагнула вперед. Затем, помня о необходимости соблюдать светские манеры, жестом предложила лорду взять ее под руку.

Николас слегка покраснел и подчинился, хотя для этого ему пришлось пригнуться. За их спиной негромко захлопнулась дверь: тетушка Элоиза посчитала свою миссию выполненной и поспешила удалиться.

«Хорошо же ей!» – подумала Софи. Она многое бы сейчас отдала, чтобы вот так же закрыть за собой дверь гостиной и

оставить в одиночестве этого несносного лорда! А теперь...

Теперь ей стоило большого труда подавить невольный безрадостный вздох. Что ж, оставалось надеяться, что процедура предложения руки и сердца не продлится слишком долго.

Но во всех случаях альтернатива столь нежеланному замужеству пугала ее гораздо больше... Вспомнив о вполне реальной перспективе угодить в тюрьму, если лорд Линдхерст потеряет к ней интерес, Софи окончательно поняла, что у нее остается только один выход: постараться его очаровать. Для начала надо бросить на него хотя бы один обожающий взгляд.

Пока Софи пыталась это изобразить, лорд Линдхерст, склонившись, поцеловал ей руку. Невольно она увидела его затылок под шапкой прекрасных волос. Несколько мгновений она смотрела на них и должна была признаться себе, что они очень красивы. Густые, волнистые и, наверное, мягкие, если тронуть их рукой. Но в следующий момент Николас выпрямился. И тут же вся зародившаяся было в душе Софи симпатия к лорду исчезла. Ибо она вновь увидела шрам, пересекавший его щеку.

Хотя первым ее инстинктивным движением было тут же отвернуться, Софи пересилила себя и продолжала смотреть в лицо Линдхерсту. Она вдруг почувствовала решимость непременно узнать, что скрывается за этим обезображенным лицом. Ведь если ей на роду написано стать его женой, то вполне естественным выглядело и желание узнать, что еще

привлекательного, кроме красивых мягких волос и густых бровей, могло оказаться в этом человеке. Ей захотелось по-лучше рассмотреть изгиб его бровей, линии губ и носа, определить цвет глаз. Кто знает, может быть, ей понравится и еще что-нибудь в его внешности?

Решившись, Софи попыталась заставить себя смотреть прямо в глаза Николасу. Но не смогла. Ибо ее взгляд снова приковал к себе широкий шрам и оторваться от него она уже не могла.

Софи молча смотрела в угрюмое и вместе с тем магнитом притягивающее к себе лицо лорда. Как бы откуда-то издали донесся до нее его голос:

– Вы сегодня особенно прекрасны, мисс Баррингтон.

Она вздрогнула и невольно опустила глаза. Черт побери! Вовсе не следует показывать этому лорду, что она так уж заинтересовалась шрамом на его щеке. Надо быть осторожнее и держать себя в руках. Уже несколько раз Линдхерст многое мог понять по выражению ее лица.

При мысли об этом Софи почувствовала, как краска смущения заливает ее лицо. И все же смогла очень вежливо и чинно ответить на комплимент Линдхерста:

– Вы тоже очень хорошо выглядите, милорд.

Николас протянул к ней обе руки и заключил ее маленькую ладошку в свои.

– Я полагаю, что вам известна цель моего визита? – спросил он.

Софи утвердительно кивнула.

Вот оно! То, чего она так отчаянно боялась! Сейчас это произойдет...

– Ну и прекрасно! – улыбнулся лорд. – Значит, у вас уже было время обдумать мое предложение. Все же, прежде чем услышать ваш ответ, я хотел бы обсудить кое-какие детали. Может быть, нам лучше присесть?

«Черт побери какая досада! – подумала Софи, опускаясь на стул и знаком предлагая лорду сесть напротив. – Надо было давно догадаться, что он постарается максимально затянуть этот омерзительный разговор!»

Николас снова заключил ее ладонь в свои и начал:

– Прежде всего я хотел бы уверить вас, мисс Баррингтон, что больше всего на свете я хотел бы назвать вас своей женой. Это – главное!

Софи в который уже раз понимающе кивнула в ответ, старательно разглядывая желтые перчатки Линдхерста, чтобы не видеть страшного шрама на его щеке.

Линдхерст между тем замолчал, и в комнате на несколько мгновений повисла гнетущая тишина. Софи показалось даже, что он просто не решается говорить дальше. Однако это было не так. Лорд прокашлялся и сказал:

– Вы очень молоды, мисс Баррингтон. Я бы даже сказал, необычайно молоды. Поэтому мой долг – объяснить, что вас ожидает, если мое предложение будет принято. В конечном счете в брак нельзя вступать легкомысленно, не имея о нем

четкого представления.

Софи сделалось нехорошо. Боже, неужели он сейчас начнет объяснять ей, что такое долг жены?! Еще, пожалуй, расскажет все тот же анекдот о грязных стихах и почесывании пером голой задницы! А может, и того хуже: признается, что принадлежит к тому типу мужчин, которые в супружеской постели голыми стоят на голове, в то время как жена щекочет ему пикантные места цветком маргаритки. Об этом тоже рассказывал как-то раз брат Лидии.

– Само собой разумеется, – продолжал лорд Линдхерст, – что вы, став моей супругой, сразу же получите титул графини. Позднее – и я буду молить Бога, чтобы этот день наступил через много-много лет, – вы станете маркизой.

Графиней? Маркизой? Софи бросила быстрый взгляд на лорда и, облегченно вздохнув, улыбнулась. В этой части условия их будущего брака ее вполне устраивали. Даже очень.

– Я вижу, подобные перспективы вам приятны, – в свою очередь улыбнулся Линдхерст.

– Да, – пробормотала Софи, отведя глаза, чтобы, не дай Бог, снова не увидеть страшный шрам.

– Как вам, несомненно, известно, мисс Баррингтон, мой титул дает право на высокое положение в обществе. Могу сказать без всякого преувеличения, что во всей Англии не найдется ни одного приличного дома, двери которого не были бы широко открыты и для моей жены. То есть для вас.

Вам стоит только захотеть в них войти. Кроме того, мое состояние достаточно велико. И я могу обещать, что вы и наши будущие дети всегда будут иметь абсолютно все, что только пожелают.

Софи снова утвердительно кивнула. Она не могла не признать, что предложение лорда Линдхерста выглядело очень даже красиво.

Если бы таким же было его лицо...

Николас сжал ладони Софи.

– Я также даю слово, что стану самым великодушным и внимательным мужем. Денег, которые вы будете от меня регулярно получать, с лихвой хватит на то, чтобы при желании купить любой магазин в центре Лондона. Короче, в своем новом положении вы можете рассчитывать на все блага этой жизни.

Все блага? Ну, разве не замечательно?! Если Линдхерст действительно так богат, то отсутствие у нее приданого и долги, возможно, действительно ничего не значат... Особенно если удастся убедить лорда, что она пустилась на обман только из-за безумной любви к нему... Гм-м... Как знать, может быть, план Эдгара не так уж плох!

– И последнее, но отнюдь не менее важное, – продолжал лорд Линдхерст. – Вы можете быть уверены в моей бесконечной преданности. Я обещаю, что стану относиться к вам с максимальным уважением и добротой.

Преданность? Это слово на какое-то мгновение смутило

Софи. Лорд говорит о преданности. Но ни слова – о любви! Может быть, как раз этого главного чувства к ней у него и нет?

Но Софи тут же отогнала от себя подобные мысли, как глупые и смешные. Ведь уже по тому, как Линдхерст ухаживал за ней, можно было с уверенностью сказать: он безумно влюблен! Другого просто не может быть! Ведь она неизменно считалась украшением высшего общества Лондона.

– Мисс Баррингтон?

Это вопрос вернул Софи к действительности. Конечно, Линдхерст сейчас сказал что-то важное, а она, занятая своими, мыслями, пропустила его слова мимо ушей.

– Извините меня, – смутилась Софи, – но это предложение настолько... настолько серьезно, что я не могу опомниться. И даже не расслышала ваших последних слов. Вы сказали...

– О, не надо извиняться! Я отлично понимаю, что предложение вступить в брак может испугать юную девушку.

Линдхерст протянул руку и осторожно коснулся пальцем ее щеки. Софи стоило большого труда сдержать себя и не отклониться.

– В какой-то мере это действительно так, – согласилась Софи, с трудом отведя глаза от изуродованной щеки лорда. Хотя в следующий момент ужасный шрам вновь приковал к себе ее взгляд.

– Тогда я должен успокоить вас, – улыбнулся Николас. –

Титул графини Линдхерст даст вам не меньше привилегий и выгод, чем обязанностей.

– Я вовсе не беспокоюсь, милорд. О том, что титул графини предполагает определенные обязанности, мне постоянно твердила моя милая тетушка.

– Ваша тетя – разумный и трезвомыслящий человек. И она, конечно, объяснила вам, в чем заключаются эти обязанности.

Софи снова утвердительно кивнула.

– Тетушка Элоиза сказала, что я должна буду всегда следить за своими манерами, чтобы не компрометировать супруга. Она также говорила, что мне надлежит постоянно быть в курсе всех модных развлечений и участвовать в них в соответствии со своим новым положением. Кроме того, в мои обязанности будет входить контроль за прислугой и поддержанием должного порядка в доме.

– Позволю себе чуть поправить вас. Речь идет не об одном доме, а о трех особняках. Это только на первых порах. Когда же вы станете маркизой, то их число удвоится.

– О трех особняках? – эхом повторила Софи слова лорда с затаенной надеждой, что в числе таковых окажется и Пэлл-Мэлл – похожая на дворец резиденция лорда..

– Да. Я могу их назвать: Эббатсон-Холл в Дургаме, Ньюлин-Мэнор в Херефордшире и Графффорд-Кип в Лестере. Большую часть времени мы будем проводить в Ньюлин-Мэноре, хотя не оставим вниманием и все остальные владе-

ния. Каждому из последних будем посвящать ежегодно не меньше двух месяцев. Как моя жена, вы должны будете проявлять заботу о местных жителях. Под этим подразумевается благотворительная деятельность, оказание помощи больным и организация деревенских празднеств. Например, ежегодного торжества по случаю завершения уборки урожая.

Софи оставалось только постараться не открыть рот от изумления и... страха. Не только потому, что ей предстояло удалиться в деревню и жить там. Из слов лорда получалось, что она к тому же должна будет заботиться о крестьянах и даже развлекать их. Это было уже слишком!

Наверное, тревожные мысли отразились на лице Софи, потому что Линдхерст внимательно посмотрел на нее и уже достаточно сухим тоном произнес:

– Насколько я понимаю, подобного рода обязанности не внушают вам особого оптимизма. И возможно, даже представляются неприятными.

Софи, не склонная к самобичеванию, на этот раз в душе кляла себя на чем свет стоит за неосторожность. Сто тысяч чертей! Когда же она наконец научится следить за выражением своего лица?! Ведь одной нечаянной гримасой можно все испортить!

– Не то чтобы неприятными, милорд, – осторожно ответила она. – Это не так. Меня озадачил сам их перечень. Ведь я никогда не занималась сельскими проблемами и вообще практически мало что знаю о провинциальной жизни.

На несколько мгновений воцарилось молчание, от которого страх Софи возрос еще больше. Наконец Линдхерст усмехнулся и сказал:

– Конечно, у вас в этом нет никакого опыта, дорогая. Я и не ожидал ничего другого. Но как раз в этом-то мне и предстоит выступить в роли наставника, если мы поженимся.

– Можете быть уверены, что я буду точно исполнять все ваши советы, милорд, – почти поклялась Софи.

– Это и есть то главное, о чем я хотел бы вас просить. Ну а теперь, думаю, настало время задать вам главный вопрос.

– Задавайте.

– Мисс Баррингтон, не согласились бы вы оказать мне честь и стать моей женой?

Наконец-то эти слова были произнесены... Сложив губы в тщательно отрепетированную с тетушкой улыбку, Софи подняла взгляд на лорда и сказала, стараясь вложить в свой голос максимум теплоты и чувства:

– Вы оказываете мне огромную честь, милорд! Да, я согласна выйти за вас замуж.

Несмотря на все старания Софи, эта фраза прозвучала как-то холодно и натянуто. Но лорда интересовал в первую очередь ее смысл, а не тон, которым она была сказана. Он улыбнулся так, как будто получил в подарок весь мир. Склонившись к ее ладони и целуя безымянный палец, Линдхерст тихо проговорил:

– Вы сделали меня счастливейшим человеком на свете,

моя несравненная Софи. И я обещаю, что вы никогда не пожалеете о своем решении. – И, прижав ее руку к своей груди, он спросил: – Теперь, когда мы помолвлены, могу ли я называть вас просто Софи?

– Конечно, милорд.

– Николас, – поправил он. – Вы тоже должны называть меня только по имени.

– Николас... – эхом повторила Софи.

Итак, лорда Линдхерста зовут Николасом. Раньше она не очень стремилась узнать его имя. Теперь же...

Пока Софи раздумывала над тем, что сейчас произошло, Николас протянул руку и приподнял за подбородок ее голову. Приблизив свое лицо к ее, он прошептал:

– Я знаю, что издревле принято скреплять помолвку поцелуем.

Не дожидаясь ответа, Линдхерст прильнул к ее губам. Софи увидела совсем близко этот ужасный шрам и невольно закрыла глаза. «Думай о чем-нибудь приятном! – твердила она себе. – Представь себе, что тебя целует Юлиан!»

Но все попытки были тщетными. Ничто не могло заставить Софи поверить, что рядом сидел не лорд Линдхерст с широким шрамом через щеку, а ее возлюбленный. Хотя бы потому, что губы у Юлиана были мягкими и прохладными. А у лорда – жесткими и горячими. Кроме того, все в Николасе говорило о таком жгучем желании, что Софи даже испугалась.

О небо! Ведь этот человек может оказаться извращенцем! Одним из тех, о которых столько рассказывал брат Лидии. Которые, скажем, раздеваются догола, сажают обнаженных жен на колени и, зажав у них между грудями кружку, потягивают из нее пиво, одновременно исполняя свои супружеские обязанности... При одной мысли о возможности чего-то подобного у Софи холодело в груди. Она подумала, что скорее умрет, нежели позволит проделывать с собой такие мерзкие штучки!

К счастью, поцелуй Николаса оказался в меру робким и коротким.

– Теперь, – проговорил Линдхерст, отстраняясь, – нам остается только назначить день бракосочетания. Я думаю, что лучше всего устроить свадьбу где-нибудь поближе к Рождеству. Скажем, двадцать второго декабря. Как вы думаете?

– Я... н-не...

Софи даже начала заикаться от ужаса, представив себе лорда Линдхерста в роли извращенца. Что он сказал? Назначить их свадьбу на двадцать второе декабря? Впрочем, почему бы и нет?

Она уже было открыла рот, чтобы согласиться, но вдруг в голове молнией сверкнула тревожная мысль: двадцать второе декабря еще достаточно далеко. За это время ее обман может раскрыться. Как знать, не откажется ли в таком случае лорд от своего предложения? Нет, рисковать нельзя!

Софи стыдливо наклонила голову и прошептала:

– Я не уверена, что смогу ждать так долго...

Ответом было продолжительное молчание. Софи уже была готова предположить самое худшее. Что, если ее слова шокировали Николаса и он сейчас уедет? Но тот в ответ только усмехнулся:

– А ведь вы правы, дорогая. После нашего первого поцелуя я тоже не поручусь, что выдержу столь длительное ожидание!

Мысли вихрем закружились в голове Софи: «Он извращенец! Определенно извращенец!»

Николас снова взял ее двумя пальцами за подбородок и повернул лицом к себе.

– Софи, дорогая, скажите лишь одно слово, и я получу разрешение, освобождающее нас обоих от соблюдения принятого срока между помолвкой и заключением брака. Тогда мы смогли бы пожениться не позже чем через две недели.

– И что же это за слово? – спросила Софи.

Николас привлек ее к себе и снова поцеловал. Это был очень нежный поцелуй. Именно такой, которого любая невеста ожидает от своего жениха. Софи удивило и то, что прикосновение губ лорда не испугало ее так, как несколько минут назад, когда она начала было подозревать Николаса бог знает в чем.

Как и первый, этот поцелуй был очень коротким. Хотя теперь Николас не отстранился, а прижался своим лбом к ее, пристально глядя в глаза невесты.

Софи отметила, что у лорда глаза карие. Большие... Теплые... Обрамленные на зависть густыми ресницами. Говоря по правде, их без преувеличения можно было назвать прекрасными.

Если бы только они были на другом лице, не обезображенном шрамом...

– Вы спрашиваете, какого слова я от вас жду? – улыбнулся Николас. – Мне уже не надо никаких слов. Все сказал ваш поцелуй...

Все закончилось. Наконец-то...

Софи никогда еще не чувствовала себя такой несчастной. И не только потому, что в конце месяца должна была стать женой лорда Линдхерста. Головная боль, которая мучила ее все утро, после отъезда лорда превратилась в такой жестокий приступ мигрени, что Софи стала молить Бога о быстрой и легкой смерти. Еще одним невольным источником ее страданий стала тетушка Элоиза. Она вертелась около лежавшей в постели больной племянницы, непрерывно тараторя, как болтливая сорока, увидевшая на земле толстого и аппетитного червяка.

– Должна тебе сказать, дорогая, – ворковала она, – что Эдди очень понравилось, как ты держалась с лордом Линдхерстом. Его сиятельству не оставалось ничего другого, как согласиться на женитьбу через две недели. Если хочешь знать мое мнение, то это очень даже укладывается в наши общие планы. Похоже, что все тревоги и неприятности остались по-

зади!

«Ваши – может быть! – подумала Софи. – Но мои только начинаются».

Она думала о том, что через две недели станет графиней Линдхерст. Это означает, что придется приложить кошмарные усилия, дабы сразу забеременеть. А для этого ей надлежит...

Непроизвольно вздрогнув, Софи постаралась поскорее отогнать от себя всякие мысли о перьях, которыми жены щекочут мужей по голым задницам, и о прочих гнусностях. Тетушка тут же заметила ее состояние.

– Бедняжка! – воскликнула она, с тревогой глядя на Софи. – Ты, похоже, замерзла?

Софи на мгновение открыла глаза, застонала и снова закрыла. Тетушка восприняла эмоции племянницы за положительный ответ и поспешно сказала:

– Да-да! Здесь действительно очень прохладно. Я сейчас позову лакея и прикажу разжечь камин.

Сквозь неплотно задвинутые шторы в окна проникали лучи солнца, отчего в комнате было очень светло. Настолько, что у Софи заболели глаза. Услышав же о намерении тетушки разжечь камин, она испугалась, как бы мерцающий свет от огня не сделал эту боль еще более острой.

– Нет, нет! – замахала она руками на Элоизу. – Здесь совсем не холодно. Я просто нездорова. Ужасная головная боль!..

Не в силах больше говорить, Софи снова застонала.

В ответ Элоиза закудаhtала, как клуша, опекающая своих цыплят:

– Я знаю, милая! Это всегда очень мучительно!

Она схватила висевшее на спинке стула полотенце, бросилась в ванную и, намочив его, положила на лоб Софи.

– Мадемуазель де Лаклуа пошла приготовить специальное снадобье против мигрени, – продолжала тараторить тетушка. – Ты сейчас выпьешь его, и сразу станет легче.

Еще в продолжение нескольких минут Софи, по-прежнему лежа с закрытыми глазами, слышала шарканье ног тетушки, блуждавшей по комнате. Потом стукнула дверь, и послышался журчащий голосок мадемуазель де Лаклуа:

– Готово. Мисс Софи должна выпить полчашки и снова лечь.

Рука тетушки осторожно сняла со лба Софи мокрое полотенце.

– Вот напиток, милая. Выпей.

Элоиза помогла племяннице присесть на постели и подложила ей под спину четыре подушки. Затем поднесла к самым губам чашку со снадобьем.

– Только пей очень медленно, маленькими глотками. Иначе может стошнить. Это было бы нежелательно!

Софи послушно отпила из чашки, невольно задержав дыхание, чтобы не чувствовать исходящего от лекарства отвратительного запаха, и опять легла. Тетушка тут же снова поло-

жила ей на лоб мокрое полотенце, после чего велела немедленно заснуть и тихо выскользнула из комнаты.

Заснуть... Это было очень легко сказать! Правда, Софи и сама понимала, что во сне можно забыться... На какое-то время отдохнуть от жизненных тревог...

Она повернулась на бок, подложила ладони под щеку и постаралась думать о чем-то приятном. Сразу же в ее воображении возник образ Юлиана. А вместе с ним и горькая мысль: что он подумает, когда узнает о помолвке своей возлюбленной с лордом Линдхерстом?!

«Боже! Какая же ты ужасная, эгоистичная девчонка!» – упрекала себя Софи, готовая вот-вот расплакаться от отчаяния. Бедный, бедный Юлиан! Ее несчастный возлюбленный! Конечно, он решит, что она по своей воле выходит замуж за лорда Линдхерста! Нет, этого не может быть! – принялась уверять себя Софи. Юлиан так не подумает! Ему стоит только перечитать любое из дюжины ее писем, в которых Софи писала, как преданно его любит. Нет, он никогда не поверит, будто она его все время обманывала! Если только... Если только после полученного, страшного удара Юлиан не решит вырвать Софи из сердца, посчитав бездушной, легкомысленной кокеткой.

При этой мысли ее охватило чувство, близкое к панике. Ведь и такое может произойти! Особенно если учесть, что годом раньше другая женщина уже сыграла с ним подобную шутку.

Паническое чувство Софи еще усилилось при воспоминании о трагическом голосе Оксли, которым тот честно рассказывал эту печальную историю после их объяснения в любви. Юлиан тогда просто умолял Софи понять всю глубину его чувств к ней, говорил, что не переживет второго такого удара, заклинал никогда не покидать его. Тронутая до глубины души, Софи обняла Юлиана и поклялась ему в вечной верности.

И вот почти через год после той трагедии ему предстоит пережить новую...

Софи почувствовала, как на ее глаза вновь наворачиваются слезы. Нет, она обязательно должна встретиться со своим возлюбленным и объяснить ему все! Надо, чтобы Юлиан поверил в нерушимость ее клятвы! И сделать это до того, как он сам узнает о ее помолвке. Она расскажет Юлиану, как сама страдает от всего случившегося. Это, возможно, немного смягчит боль, которая, несомненно, будет разрывать его сердце! И он...

Боже! Но ведь он может помешать ей выйти замуж за лорда Линдхерста!

От этой мысли Софи даже захлопала в ладоши. Разве Юлиан постоянно не говорил о том, что обожает ее? Что делает все для их любви? В том, что это были не пустые слова, Софи не сомневалась. И вот пришло время спасти их счастье! Как? Он может настоять, чтобы они тайно бежали отсюда и поселились в имении его родителей...

Воображение уже рисовало Софи их бегство в самых романтических и захватывающих подробностях. Ее вдруг охватило волнение, от которого задрожали колени, бешено заколотилось сердце, а дыхание стало лихорадочным.

Но тут она вспомнила о своих долгах, которые надо будет обязательно выплачивать, и грезы рассеялись. Что скажет и как поведет себя Юлиан, когда она признается ему в этом?

Однако после недолгих размышлений Софи с улыбкой отбросила всякие сомнения. Юлиан самозабвенно любит ее! И никогда не позволит деньгам стать препятствием на пути их будущего счастья! А что касается ее долгов, то они, в сущности, не так уж велики. Эдгар называл цифру около пятнадцати тысяч. Если же быть совершенно точным, то вся сумма составляет пятнадцать тысяч двести шестьдесят три фунта. В любом случае это не безумный долг! Конечно, Юлиан с готовностью погасит его! Может быть, кредиторы на первых порах согласятся на оплату только части долга. Остаток же лорд Оксли покроет из своего ежегодного дохода, составляющего что-то около десяти тысяч фунтов...

Да, но после оплаты долгов они скорее всего уже не смогут позволить себе дорогостоящую жизнь в городе.

Софи сбросила со лба мокрое полотенце и, свесив ноги, села на кровати.

Ну и что? Рядом с Юлианом она сможет вполне счастливо жить и в провинции... Даже всю оставшуюся жизнь, если потребуется... В том, что Юлиан разделит это решение, Со-

фи не сомневалась.

Теперь для нее самым главным было встретиться с Юлианом до того, как он узнает о состоявшейся помолвке его возлюбленной с лордом Линдхерстом. Это необходимо сделать! Письмо здесь не годится! Она просто не сможет выразить на бумаге все, что сейчас чувствует!

Но где и когда можно встретиться? Сегодня на званом вечере у Сибрайтов? Это не годится. К тому времени молва о ее помолвке с Линдхерстом уже облетит весь Лондон.

И несомненно, не минует она и ушей Юлиана. Он будет убит наповал и, уж конечно, не придет на званый вечер...

Тогда что же остается? Гайд-парк? Почему бы и нет?! Как все молодые столичные денди, Юлиан каждое утро совершает по парку верховые прогулки. Возможно, там и удастся с ним объясниться.

В течение нескольких минут Софи обдумывала этот план. Потом снова в отчаянии упала на подушки. Нет, ничего не получится! Даже если еще не будет поздно, они все равно не смогут поговорить наедине, вдали от чужих глаз. Ведь если не сама тетушка, то грум или мадемуазель де Лаклуа повсюду следуют за ней буквально по пятам и следят за каждым шагом...

Оставалось только одно: не медля ни минуты, тайком от домашних отправиться к Юлиану, пока он еще дома и не успел ничего узнать. Правда, это грозило большим скандалом, чего Софи не хотела. Однако другого выхода она не ви-

дела...

Софи легла на живот и спрятала лицо в подушку. Надо было решиться на исключительно отважный и дерзкий шаг. Хватит ли у нее смелости? Ведь если кто-нибудь увидит мисс Баррингтон входящей в дом лорда Оксли или выходящей из него, это будет означать конец ее безупречной репутации в обществе! Ибо в глазах света посещение молодой незамужней девушкой холостяка в его доме считается страшным преступлением...

Посещение холостяка? Да! Но разве можно назвать грехом пребывание жены в доме мужа?

Софи блаженно улыбнулась, а щеки ее покрыл стыдливый румянец. Да, она станет женой лорда Оксли! И если даже ее визит будет кем-то замечен, то ко времени, когда столь беспутное в глазах света поведение мисс Баррингтон станет предметом всеобщей сплетни, они с Юлианом уже будут женаты. Она выйдет замуж за человека, в доме которого побывала раньше. Все! Конец сплетням и слухам! Никто не посмеет порочить имя супруги лорда Оксли!

Мисс Баррингтон станет виконтессой Оксли...

Софи вновь повернулась на спину и со вздохом произнесла дорогое имя, подумав, что, даже если кто-то и увидит, как она стучится в дверь Юлиана, ее положение в обществе не пострадает. Ибо сразу же после тайного бегства они с Юлианом открыто объявят о том, что вступили в законный брак. Более того, столь смелый поступок, возможно, сделает их са-

мой известной и романтической супружеской парой в британской столице!

Окончательно приняв решение, Софи сбросила с себя одеяло, соскользнула с постели и, только застегивая последнюю пуговицу на платье, подумала о лорде Линдхерсте. О том, как ее поступок может отразиться на нем...

Конечно, он будет подавлен! Как все холостяки лондонского света, Николас обожал ее и отчаянно хотел видеть своей женой. Но в отличие от тех же холостяков он обладал гипертрофированным чувством своей значимости и непомерной гордостью... холодной аристократической гордостью, которая очень легко превращается в мстительность, если ее сильно уязвить.

Пальцы Софи, машинально расправлявшие складки на платье, внезапно застыли. Боже праведный! Что, если Линдхерст всю свою ярость обрушит на Юлиана и, чего доброго, вызовет его на дуэль? Хотя поединки объявлены вне закона, Софи не раз слышала, что они все же случаются. И очень часто причиной таковых становятся сердечные проблемы вроде ее собственной...

В ужасе она на мгновение представила себе Юлиана и Линдхерста целящимися друг в друга из пистолетов на какой-нибудь тихой лужайке в ранний утренний час. Но тут же, вспомнив о рассудительности и осторожности лорда Линдхерста, рассмеялась. Какая чушь! Вряд ли во всем Лондоне найдется еще хоть один джентльмен, который больше опа-

сался бы участия в каком-либо опасном для себя предприятии, нежели Его Зануднейшее Сиятельство лорд Линдхерст! А уж что касается дуэли!.. Да этого просто не может быть!

Упрекнув себя за глупые мысли, Софи застегнула последнюю пуговицу. Нет, Хотя все происшедшее, несомненно, – глубоко уязвит гордость лорда Линдхерста, все же со временем он успокоится и к следующему светскому сезону вновь появится в Лондоне вполне излечившимся от полученного удара. Глядишь, выберет себе новую невесту. Если он обладает таким острым умом, как про него говорят, то постарается найти для себя девушку более подходящую. Миловидную, простую, отлично воспитанную... Ведь горький опыт должен его чему-то научить!

В дальнейшем он вполне может жить счастливо с такой Женой. И кто знает, со временем посчитает сыгранную с ним сейчас злую шутку благословением Господним. Возможно, простит неверную мисс Баррингтон! Впрочем, ей откровенно говоря, безразлично. Главное, что рядом будет Юлиан...

Глава 4

– Слушаю вас, мисс!

Высокомерный взгляд мажордома застал Софи врасплох. Где же Юлиан? Она ожидала, что дверь откроет сам лорд Оксли, и очень рассчитывала на это. Всю дорогу, трясись и нанятом жалком экипаже, Софи мечтала о том, как Юлиан отворит дверь и увидит ее на пороге своего дома.

И вот... все это оказалось лишь сладкой мечтой! Прекрасной, головокружительной мечтой... Еще несколько минут назад Софи воображала, как Юлиан заключит ее в объятия, крепко прижмет к себе и покроет поцелуями... А затем...

– Мисс? – откуда-то издалека снова донесся до нее голос мажордома. – Что вам угодно?

Что ей угодно? Софи, надменно прищурившись, посмотрела на слугу. Неужели это ничтожество позволит себе закрыть перед ней двери дома лорда Оксли? За кого, черт побери, он ее принимает?! Она хочет увидеть мистера Оксли! И еще Софи подумала, что это будет осуществлением ее самых сладких грез.

Она презрительно улыбнулась и медленно проговорила:

– Передайте вашему хозяину, что мисс Баррингтон желает видеть виконта Оксли по личному и неотложному делу.

– Вы пришли по личному делу? – переспросил тот.

Он поджал губы и, в свою очередь, смерил Софи прене-

брежительно взглядом с головы до ног. В отличие от светских львов, расплывавшихся в улыбке при виде ее, на этого слугу все очарование Софи, видимо, не произвело ни малейшего впечатления. Подняв глаза к небу, он буркнул:

– Его сиятельство вечно занят чьими-то личными делами.

Софи пропустила мимо ушей эту ехидную шпильку мажордома. Она была до глубины души возмущена грубым невниманием какого-то слуги к своей персоне и подумала, что первым делом выгонит этого нахала из дома, как только станет виконтессой Оксли. Вслух же холодно сказала:

– Передайте его сиятельству, что я здесь. Быстро!

– Прошу вашу визитную карточку, мисс, – все тем же далеким от учтивости тоном ответил мажордом.

Одарив его испепеляющим взглядом, Софи открыла ридикюль и вынула оттуда обрамленную золотой каймой визитную карточку. Протягивая ее мажордому, она еще раз дала себе слово непременно уволить этого хама, подумав: «Нет, я не стану ждать, когда мы с Юлианом поженимся! Надо настоять, чтобы лорд Оксли прогнал его из дома сегодня же!»

Тем временем мажордом, видимо еще не подозревавший об уготованной ему страшной участи, с выражением величайшего презрения и недовольства взял двумя пальцами карточку Софи. Прочитав ее имя и фамилию, он произнес нараспев:

– Я сейчас узнаю, принимает ли сегодня его сиятельство.

И, не удостоив гостью даже взглядом, закрыл перед ней дверь, оставив Софи стоять на ступеньках, как незадачливо-го торговца негодным товаром.

Софи смотрела на висевший у двери молоток с таким негодованием, какого, ей казалось, не испытывала еще никогда в жизни.

«Старый дурак! Выживший из ума кретин! Наглец! – такими эпитетами награждала про себя Софи скрывшегося за дверьми мажордома. – Как он посмел так со мной обращаться? Сначала задержал на пороге, допрашивая, как преступницу. Потом захлопнул перед носом дверь! Нет, это уж слишком! Особенно после всего, что пришлось пережить!»

Да, Софи действительно страдала! Особенно когда ехала в том мерзком экипаже. Это было ее первое и, как она надеялась, последнее путешествие таким способом. Раньше Софи даже не подозревала, насколько убогими и неудобными бывают наемные колымаги. А в этом экипаже к тому же чем-то отвратительно пахло...

Переминаясь от нетерпения с ноги на ногу, Софи уже стала подумывать о том, чтобы спуститься со ступенек, снова нанять какой-нибудь гадкий фиакр и уехать. Но она вспомнила, зачем сюда приехала, и все мысли об отступлении сейчас же исчезли.

Да, она приехала, чтобы стать женой Юлиана!

И разве не стоило потерпеть час или два ради того, чтобы всю оставшуюся жизнь быть рядом с ним?

Устыдившись своей минутной слабости, Софи осмотрелась, дабы убедиться, что поблизости никого нет и ничей глаз за ней не наблюдает...

В том, что Юлиан сам не открыл дверь, она уже не видела ничего особенного. В конце концов, он был виконтом, лордом и имел мажордома...

Однако этот мажордом, похоже, совсем забыл о ней! Софи только хотела снова постучать, как услышала шаги за дверью. Теперь это мог быть только Юлиан! Софи вообразила, как через какое-то мгновение бросится ему в объятия, и даже отступила на шаг для разбега...

Однако, к ее глубочайшей досаде, на пороге вновь появился мажордом. Причем выглядел он еще более строгим и неумолимым, нежели несколько минут назад.

– Его сиятельство сейчас вас примет, – процедил сквозь зубы несносный слуга, пропуская непрошеную гостью в холл.

Первое, что бросилось в глаза Софи, было полное отсутствие там каких-либо украшений. Лишь серые стены, вдоль которых не стояло ни одного стула. Отсутствовал и традиционный для лондонских особняков круглый стол с серебряной вазочкой для визитных карточек. На полу не было даже элементарного ковра.

Мажордом знаком приказал Софи следовать за ним. Она покорно подчинилась. Они взобрались по очень крутой лестнице на второй этаж и очутились в длинном коридоре с высо-

ким потолком. Про себя Софи попутно делала заметки, что постарается изменить, как только станет виконтессой Оксли.

Наконец мажордом остановился перед полуоткрытой дверью и выразительно посмотрел на гостью. Софи поняла, что сейчас увидит Юлиана.

Лорд Юлиан Оксли сидел в кресле, развалившись и вытянув ноги. Судя по пижаме небесно-голубого цвета и растрепанным золотистым волосам, он только что поднялся с постели.

Софи широко распахнула дверь.

– Юлиан!

Увидев возлюбленную, Юлиан вскочил на ноги и бросился ей навстречу с распростертыми объятиями.

– Софи, дорогая! Вот неожиданный сюрприз!

Не обращая внимания на его неряшливый и более чем домашний вид, Софи повисла на шее у Юлиана и ответила на его страстный поцелуй не менее горячим.

– Боже, Юлиан! Извини, что врываюсь без приглашения! Но мне необходимо тебя срочно видеть! Случилось нечто ужасное!

– Что такое?! – с тревогой в голосе воскликнул Юлиан.

Софи, боясь разрыдаться, утвердительно кивнула и прошептала:

– Право, не знаю, как тебе и сказать!

– Даже так?! Ну, не поверю! А если уж действительно произошло что-то очень неприятное, то расскажи. Уверен, что

я легко разрешу любую твою проблему! Ну, успокойся и говори, что случилось?

Не в силах побороть отчаянного желания поскорее переложить свалившийся на нее непосильный груз на плечи возлюбленного, Софи начала рассказывать о происшедшем. Но объяснения получались какие-то путаные и бессвязные. Юлиан вновь обнял ее и прошептал:

– Не волнуйся, любимая! Ведь я сделаю все, чтобы помочь тебе в любом несчастье. Ты же это знаешь! Но надо сначала знать, что случилось. Говори.

– Юлиан, это до того мерзко... Но право, у меня не было другого выхода!.. Понимаешь... Лорд Линдхерст... Моя тетушка и кузен настаивают, чтобы я вышла за него замуж! Наша свадьба должна состояться через две недели. Понимаешь, уже через две недели!

Голос Софи задрожал и сорвался.

– Так-так... – прищелкнул языком Юлиан. – Вот оно что! Ну, не отчаивайся! Я думаю, что все не так уж страшно.

– Не так уж страшно? Более чем страшно! Это... это... – Софи закрутила головой, подбирая нужное слово. – Это просто невыносимо, Юлиан! – с трудом выговорила она, наконец. – Мои кровь и плоть такого просто не смогут вытерпеть! Подумай: выйти замуж за человека, один вид лица которого несносен! Когда я думаю о том, что придется всю оставшуюся жизнь видеть его ужасный шарм на щеке, то...

Софи задрожала всем телом и замолчала. На несколько

мгновений в комнате воцарилась тишина. Потом справа от Софи раздался чей-то негромкий смешок:

– Меня самого этот шрам всегда ужасал. Но признаться, дитя мое, вы первая, кто высказался о нем вслух и так откровенно! – Снова смешок. – Или же вы – единственная женщина, которая осмелилась честно высказать свое мнение о внешности моего ближайшего родственника.

Софи быстро обернулась и увидела лорда Квентина Сомервилла – брата Николаса, поднимавшегося со стоявшей в темном углу софы. В руке у него был наполовину наполненный стакан виски. Девушка почувствовала, что готова умереть на месте.

– О... о... – забормотала Софи, не зная, что сказать. Квентин выпрямился и рассмеялся. Потом поднес к губам стакан, допил виски и сказал, растягивая слова:

– Не бойтесь, мисс Баррингтон. Уверяю вас, что столь категоричная оценка, высказанная вами в адрес моего брата, лично меня совсем не обидела. Не знаю, слышали вы или нет, но наши отношения с лордом Линдхерстом никогда не были очень уж сердечными.

Усмехнувшись, Квентин поставил пустой стакан на стол и сладко потянулся, словно сытый и довольный кот.

– Должен сказать, Оксли, – добавил он, обернувшись к Юлиану и тяжело вздохнув, – что целую ночь проспять на этой ужасной софе было трудным испытанием.

– Целую ночь? Да ты все время рвался к Гарриетам! Фай-

зель даже пытался привязать тебя к кровати, но не сумел. Ему, видите ли, было неудобно на софе! Ха!

Квентин скорчил болезненную гримасу.

– К Гарриетам? Да, я это помню. Ведь я обещал навестить ночью хозяйку дома. Она, конечно, очень рассердилась, что я обманул ее ожидания.

Он развернул свою куртку, которую использовал вместо подушки, и накинул на плечи.

– Ну ничего! Я преподнесу мадам Гарриет очаровательный брелок от фирмы «Рандел энд Бридж». Она быстро сменит гнев на милость.

Квентин повернулся к Софи и театрально ей поклонился.

– Если не возражаете, мисс Баррингтон, я подарю вам клетку с прекрасным попугайчиком. Эта умненькая птичка, надеюсь, сможет скрасить беспросветный ад вашей будущей супружеской жизни с моим братцем!

Когда дверь за Квентином закрылась, Софи взглянула на Юлиана. Он стоял рядом и улыбался.

– Я... я думала, что мы одни... Мне просто в голову не могло прийти, что в такой ранний час застану у тебя гостя!

– Разве ты не знала, что Сомервиллы живут по соседству со мной? – удивился Оксли.

Она отрицательно покачала головой.

– Ну, тогда пусть это будет для тебя сюрпризом. Кстати, здесь же обитают Хакнеллы и Дюмоны.

– Значит, вас здесь четверо? – неожиданно тоненьким го-

лоском пропищала Софи.

В этот момент она подумала, что если посещение одного холостяка в его доме пахнет скандалом, то находиться в обществе сразу четверых – это прямое самоубийство! Стоит только кому-нибудь заподозрить, что она здесь бывает, как грязные слухи разнесутся по всей столице. Не поможет даже брак с Юлианом. Высший свет наверняка подвергнет ее остракизму!

Очевидно, тревога отразилась на лице Софи, ибо Юлиан ухмыльнулся, издал звук, похожий на кудахтанье тетушки Элоизы, и заключил возлюбленную в объятия.

– Не волнуйся, дорогая, – пропел он ей на ухо. – Квентин Сомервилл – отличный парень. Он никогда и никому не скажет, что ты приходила ко мне, если даст мне клятву молчать.

– Юлиан, я еще никогда в жизни не чувствовала себя так неловко! Господи, что Квентин теперь обо мне подумает?!

– Подумает, что ты – самая красивая и очаровательная девушка на свете, – улыбнулся Юлиан, целуя Софи в ухо. – И в этом будет полностью солидарен со мной...

– Но ведь я сказала такие ужасные слова о его родном брате!..

– Он же объяснил тебе, что большой любви между ним и Николасом никогда не было и нет. Квентин считает Линдхерста надменным, напыщенным ослом, что так и есть. Уверен, что его уважение к тебе только укрепилось – ведь теперь Квентин знает, что богатство и титул Николаса не помешали

тебе разглядеть мерзкую натуру этого чванливого лорда!

Слова Юлиана не убедили Софи, она вцепилась в ворот его пижамы и дрожащим голосом воскликнула:

– Но согласишься, что это ужасно, Юлиан! Какая же я дура! Можно ли было приходиться сюда?! Я должна была...

– Ты должна была прийти сюда, дорогая! – закончил вместо нее Юлиан.

– Но...

– Посмотри на меня, Софи!

Хотя голос Юлиана звучал нежно и ласково, Софи почувствовала в нем нотки приказа. Она посмотрела своему возлюбленному прямо в глаза.

– Я люблю тебя, Софи, – сказал Юлиан. – Люблю всем сердцем. И хочу, чтобы в трудные минуты ты всегда обращалась ко мне. Я сделаю для тебя все, что в моих силах. Клянусь! Абсолютно все!

Юлиан наклонился и осторожно поцеловал Софи в губы. Она растаяла от этого прикосновения. От мягких, добрых слов. И, прижавшись лицом к его груди, с волнением слушала частое, гулкое биение сердца возлюбленного. Чувствуя, что еще никогда так горячо и страстно не любила, Софи прошептала:

– Я знала, что могу надеяться на твою помощь... Знала... Юлиан нежно улыбнулся ей:

– Всегда, дорогая! Всегда помогу тебе. Какими бы сложными ни оказались проблемы!

– Я не могу себе представить более сложной, нежели эта. Скажи мне, Юлиан: как теперь нам с тобой быть? Какой выход существует из всей этой страшной ситуации? И есть ли он вообще? Эдгар сказал, что я должна выйти замуж за Линдхерста. Мало того – уже заставил принять предложение Николаса. Это произошло сегодня утром.

Улыбка сразу же угасла на лице Юлиана и сменилась мрачным, суровым выражением.

– Ты любишь меня, Софи? – тихо спросил он. – Действительно любишь?

– Ты знаешь...

– Так горячо, что смогла бы прожить со мной всю оставшуюся жизнь?

В груди Софи все было готово взорваться от счастья. То, на что она надеялась и во что верила, произошло! Юлиан готов жениться на ней! Иначе нельзя истолковать его слова! Он избавит ее от Линдхерста!

– Да, Юлиан, да! – прошептала она, задыхаясь от восторга. – Я люблю тебя всем сердцем! Разве я не говорила этого уже десятки раз?

– Я просто хотел быть до конца уверенным в твоих чувствах.

Софи обвила руками шею Юлиана и наклонила его голову к своему лицу.

– Я никогда не любила никого, кроме тебя. И не полюблю! Ты – единственный мужчина, созданный для меня в этом

мире! – Софи тут же подтвердила свое признание горячим поцелуем.

Юлиан застонал и крепко прижал ее к себе.

– И ты, дорогая, моя единственная женщина в целом свете, – задыхаясь, сказал он. – Выходи за меня замуж! Мы сегодня же убежим от ненавистного тебе лорда Линдхерста. – Он снова поцеловал Софи и прошептал: – Скажи – «да»... Скажи, что ты совсем моя!

Софи с трудом удержалась, чтобы не завизжать от безумной радости. Ее самая заветная мечта вот-вот осуществится! Она станет виконтессой Оксли! Обняв Юлиана за талию и крепко прижавшись к нему всем телом, Софи воскликнула:

– Да! Да, да, да! Едем сейчас же! Не медля ни минуты!

Юлиан улыбнулся:

– Но мне надо хотя бы переодеться. Не могу же я ехать в пижаме. Подобный наряд будет к месту чуть позже!

Чуть позже! Софи покраснела, представив себе, что произойдет после свадебной церемонии. Странно, но раньше она никогда не задумывалась о возможности интимных отношений с Юлианом. Хотя ежеминутно и с ужасом представляла себя в постели лорда Линдхерста.

В то же время Софи в некотором замешательстве подумала, что, собственно, не знает лорда Оксли. Она была уверена лишь в том, что Юлиан любит ее и что он не может быть извращенцем. Ведь он поэтичный и утонченный мужчина! И улыбается ей, как безумно влюбленный жених! Поэтому –

прочь все сомнения!

Софи ответила ему такой же полной любви улыбкой, а Юлиан еще крепче прижал ее к себе. Прижал так, что она почувствовала каждый изгиб его тела сквозь тонкую ткань пижамы.

– Боже праведный! – прошептал Юлиан. – Как я мечтал об этой минуте, Софи! Ты так прекрасна, так желанна. И можешь составить счастье любого вельможи, куда более богатого и титулованного, нежели Юлиан Оксли! Я не могу отделаться от мысли, что не стою тебя!

– Нет, Юлиан! Ты, несомненно, стоишь не только меня, но и любой самой блистательной женщины. А что касается денег и прочего земного богатства, то я вполне удовольствуюсь скромной жизнью и титулом виконтессы Оксли! Меня это гораздо больше привлекает, чем положение маркизы Линдхерст. Самое большое богатство, которое я непременно хочу получить, – так это твою любовь!

– Скромная жизнь? – с усмешкой переспросил Юлиан тоном, которым родители обычно разговаривают с ребенком, сказавшим какую-то глупость. – Дорогая моя Софи! Хотя мы и не сможем вести столь роскошную жизнь, как лорд Линдхерст, наше благополучие все же уж никак нельзя будет назвать скромным. С моим доходом в десять тысяч и полученным тобой от отца наследством мы очень даже неплохо устроимся!

У Софи замерло сердце. Она отвела взгляд в сторону и

почувствовала, как ее радужные мечты начинают блекнуть. Да, сейчас ей предстоит признаться, что отцовского наследства больше не существует... Софи поняла, что откладывать нельзя, хотя первоначально она намеревалась повременить с разговором на эту тему и хоть часок-другой помечтать о грядущем счастье.

– Что с тобой, дорогая? – спросил Юлиан, заметив, что Софи изменилась в лице. – Я сказал что-то неприятное?

– Нет... Просто... – проговорила Софи упавшим голосом, охваченная страхом и недобрым предчувствием. Что, если лорд Оксли откажется жениться на бесприданнице, к тому же обремененной долгами? Даже если действительно ее любит?! Ведь мужчины гораздо внимательнее прислушиваются к голосу разума, нежели сердца... Об этом Софи не слышала, хотя лично никогда ни с чем подобным не сталкивалась.

– Софи, что случилось? – повторил Юлиан. Он взял ее за подбородок, внимательно посмотрел в глаза и, помолчав несколько мгновений, настороженно проговорил: – Я не ошибся. Тебя что-то тревожит. Появились какие-то сомнения относительно нашей возможной женитьбы? Скажи честно!

– Нет, нет! Никаких сомнений! – горячо запротестовала Софи, не ожидавшая такого прямого вопроса.

– Тогда в чем дело? Что тебя гнетет? Признайся. Ты ведь знаешь, что можешь мне полностью довериться.

Юлиан смотрел такими открытыми и полными сострадания глазами, что в его искреннем желании помочь ей Софи больше не могла сомневаться. Конечно, он никогда не пожертвует их любовью ради денег! Лорд Оксли – не такой человек! Как она только могла подумать, что он окажется способным на низость?!

Софи улыбнулась и посмотрела в глаза возлюбленному.

– Я должна тебе кое-что сказать относительно моего состояния.

Юлиан ответил ей такой же открытой улыбкой и облегченно вздохнул:

– Если ты беспокоишься, что Эдгар не отдаст нам твое приданое, то, уверяю, этого он не сможет сделать. Иначе мы притянем его к ответу в судебном порядке.

– Нет, дело не в этом, – поспешно ответила Софи и, нервно глотнув воздух, робко призналась: – Просто приданого у меня больше нет.

Юлиан отшатнулся, как будто получил пощечину.

– Что?!

– Приданого больше не существует, – повторила Софи, на этот раз громче и увереннее. Через минуту, увидев на лице Юлиана изумление и растерянность, она добавила: – У меня оно было, но кузен, ставший моим опекуном, все растратил.

Глаза Юлиана округлились и, казалось, готовы были вылезти из орбит.

– Все наследство?!

– Все, до последнего фунта, – утвердительно кивнула Софи. – Но это было бы еще полбеды. Самое главное заключается в том, что я оказалась в долгах, которые, кстати, тоже достались мне по наследству. На этот раз – от дяди, бывшего моим опекуном до Эдгара. Именно поэтому я и должна выйти замуж за Линдхерста!

У Юлиана был такой ошарашенный вид, будто перед ним стояла не возлюбленная, а разбойник с большой дороги.

– Линдхерст знает об этом? – растерянно спросил он.

– Нет, не знает! Ничего не знает! В обществе тоже никто даже не догадывается. Да и я сама до прошлой ночи ничего не подозревала! – Софи покачала головой, снова ощутив весь ужас происшедшего. – Я оказалась заложницей плана Эдгара избавить меня от долговой тюрьмы.

– Плана Эдгара? – жестко проговорил Юлиан, освободившись от объятий и бросив на Софи суровый взгляд.

Так же хмуро выслушал он и все сбивчивые объяснения Софи, касавшиеся плана ее кузена. Когда же та закончила, он вдруг громко рассмеялся:

– Другими словами, ты хотела обмануть лорда Линдхерста. Что ж, забавно было бы увидеть этого важного и надменного индюка в роли простофили! Должен заметить, что его положение в обществе после подобного удара очень бы пошатнулось!

Софи не отрываясь смотрела на Юлиана, пораженная его реакцией на случившееся. Нет, он не должен был так отве-

чать! Она ожидала, что Юлиан тут же пообещает оплатить все ее долги, после чего ничто не помешает их счастью!

Обвив руками талию Юлиана, Софи сказала дрожащим голосом:

– Мое наследство, как и то, что станется с Линдхерстом, теперь не имеет никакого значения! Главное – мы с тобой будем навсегда вместе!

Оксли неожиданно крепко схватил Софи за руку повыше локтя и решительно освободился от объятий.

– Это легко сказать – ничто не имеет значения, кроме нашей любви! – прорычал он. – Да будет тебе известно, что и я вот-вот окажусь банкротом!

Софи смотрела на Юлиана, силясь понять причину появившегося на его лице грубого и даже жестокого выражения.

– Мы как-нибудь выкарабкаемся! – постаралась она уверить его, решив, что это результат шока. – Экономно распорядившись доходами с твоего имения, можно будет всего за несколько лет полностью расплатиться с долгами. Но конечно, какое-то время нам придется и жить за счет этих доходов.

Оксли посмотрел на Софи как на сумасшедшую. Потом резко сбросил со своей талии ее руки и процедил сквозь стиснутые зубы:

– Я не желаю ниоткуда выкарабкиваться! Так же как не намерен на протяжении ближайших лет безвыездно жить в деревне.

– Но какое имеет значение, где и насколько скромно жить, если мы будем вместе? – взмолилась Софи, все еще не желая поверить в смысл только что услышанного. – Наша любовь поможет пройти через все испытания!

– Любовь? – снова горько рассмеялся Юлиан. – Любовь не имеет ничего общего с моим желанием на тебе жениться.

– Но ведь ты уверял, что любишь меня! – прошептала Софи сквозь слезы. – И клялся, что сделаешь для нашей любви все!

– Красивые слова, и только! Их говорит любой мужчина, желая поймать на крючок богатую невесту. – Он скрестил руки на груди и бросил на Софи полный презрения взгляд. – Если ты действительно верила всем красивым фразам, которые тебе весь сезон шептали на ухо мужчины, то значит, ты даже глупее, чем я думал.

– Ты не любишь меня? – с трудом сдерживая рыдания, спросила Софи, чувствуя, что сердце у нее в груди вот-вот разорвется на мелкие кусочки.

– Несмотря на свою глупость, сейчас ты все поняла правильно! – отрезал Юлиан. – Да, я не люблю тебя. И никогда не любил. Хотя при наличии приданого с радостью женился бы на тебе. В конце концов, ты очень красивая женщина, которую я захотел с первого взгляда.

Он чуть наклонил голову и посмотрел на Софи оценивающим взглядом. Потом, подумав, очень серьезно сказал: – Если честно, я и сейчас тебя хочу. Гм-м... В конце концов, мо-

гу тебе даже помочь... – Юлиан снова сделал паузу и повторил: – Да... пожалуй, могу... Ты только должна согласиться стать моей любовницей. И я тут же устрою все таким образом, что ни один кредитор тебя никогда не найдет.

– Твоей любовницей?! – воскликнула Софи, едва не задохнувшись от возмущения. – Как ты... как ты смеешь...

– Это очень даже великодушно с моей стороны, – прервал ее Оксли, протянув руки и пытаясь просунуть указательный палец под блузку Софи. – Только подумай, милая: тем самым ты не только избежишь долговой тюрьмы, но и будешь получать немалое наслаждение от наших интимных отношений. Поскольку ты призналась, что очень любишь меня, то подобная перспектива должна показаться тебе очень даже заманчивой.

Резким движением Софи отбросила его руку. Никто и никогда в жизни не приводил ее в состояние такого бешенства. Она отступила на шаг и зашипела в лицо Оксли:

– Как ты смеешь меня оскорблять?!

Юлиан снова рассмеялся:

– Ну что ты, милая! Не надо воспринимать мои слова как оскорбление. Просто я предлагаю тебе выход из неприятной ситуации.

– Да я скорее выйду замуж за Линдхерста, чем соглашусь на такой цинизм! – вскричала Софи.

– Возможно. Но боюсь, что тебе уже не удастся стать женой лорда Линдхерста.

– Почему же, если я официально с ним помолвлена? Сегодня же вечером об этом узнает весь Лондон.

– Но еще раньше весь Лондон будет знать о твоём визите ко мне, дорогая. Равно как и об обмане в отношении наследства покойного отца. Уверяю тебя, что ни лорд Линдхерст, ни светское общество нашей столицы в целом не захотят оказаться в дураках.

Софи с ужасом посмотрела на Юлиана:

– Ты этого не сделаешь!

– Почему же? Обязательно сделаю. Вот увидишь! С другой стороны, хотя я никогда не женюсь на тебе, но заполучить такую красотку к себе в постель не возражаю. Думаю, все ясно?

На лице Юлиана появилась жестокая, безжалостная улыбка, какой Софи никогда у него не видела. Он сделал короткую паузу и добавил:

– Я всегда добиваюсь того, чего хочу.

Софи почувствовала, что возненавидела этого человека.

– На этот раз у тебя ничего не получится, – проговорила она, чеканя каждое слово. – Ты омерзителен и циничен. И никаких дел я с тобой больше иметь не буду. Вот мой ответ тебе!

– Не только мне, но и Сомервиллу. А кроме того, я уверен, что перетяну на свою сторону также Хакнелла и Дюмона. Нас будет четверо против тебя одной. И я добьюсь своего!

– Ты мерзавец, лорд Оксли! Не могу понять, как я не рас-

смотрела этого раньше. Считала благородным и добрым человеком! Боже, надо же было так заблуждаться!

– Не можешь понять, почему ошиблась? Я же уже сказал: потому что ты дура.

В этот момент Софи больше всего хотелось, чтобы взгляд, который она бросила на Оксли, имел способность убивать наповал.

– Пусть я дура, – ледяным тоном ответила она, – но не шлюха! И тебе никогда не удастся сделать меня своей любовницей! Никогда!

– Увидим!.. – ухмыльнулся Юлиан.

Глава 5

Для Николаса этот день, несомненно, оказался удачным.

Все утро он писал письма, извещая родителей и всех родственников о своей предстоящей женитьбе. Теперь он ехал в расположенный неподалеку от его дома клуб, чтобы торжественно отпраздновать с друзьями свой триумф. То, о чем Николас мечтал с первой своей встречи с мисс Баррингтон и что теперь сделает его предметом зависти всех светских холостяков.

Когда экипаж остановился у дверей клуба, Николас широко улыбнулся. Настроение у него было отменным. Он знал, что в отличие от родителей, которых известие о его предстоящей свадьбе, несомненно, встревожит, его неженатые соclubники встретят новоявленного жениха громким свистом и упреками в предательстве холостого братства. Как и всегда в подобных ситуациях, они сначала расстреляют героя шутками и наградят смешными прозвищами. Затем дружелюбно похлопают по спине и будут долго пить за здоровье молодых, пока вконец не захмелеют.

Итак, его ждет достойное завершение так хорошо начавшегося дня! Николас просто светился от счастья.

Подойдя к окну клуба, он заглянул внутрь, пытаясь рассмотреть собравшихся. По выстроившемуся у парадного входа длиннейшему ряду экипажей, карет и колясок, можно

было предположить, что в клубе нет ни одного свободного места.

Счастливая улыбка расплылась по лицу лорда. Отлично! Чем больше будет народу, тем шире и быстрее разнесется по городу весть, которую он готовился сейчас объявить. Николас открыл дверцу кареты и легко спрыгнул на землю.

Однако стоявшие у входа мужчины, в руке каждого из которых был стакан виски, вдруг разом замолчали и испытующе уставились на лорда. Некоторые из них подняли стаканы, как бы поздравляя его. Но делали это с явной иронией...

Несколько озадаченный, Николас замедлил шаг. Каждого из стоявших на ступеньках он знал уже не один год. Однако сегодня их взгляды показались ему странными. В них светился если не сарказм, то уж точно насмешка.

Что случилось? В последний раз так смотрели на отца Николаса в Парк-Лейн, когда тот, напившись в стельку, скакал с голой задницей по центральным аллеям. Общество тогда выразило дружное возмущение вопиющим поступком, а двери многих домов надолго закрылись для Линдхерста-старшего...

Николас окинул мужскую группу недоуменным взглядом и неожиданно увидел стоявшего в центре своего брата Квентина. Так! Этот тоже здесь! Не может быть, чтобы он не подготовил какую-нибудь пакость! Конечно! Отсюда и все ироничные взгляды!

Николас все же приветливо кивнул собравшимся у входа

и быстро прошел в клуб, решив тут же выяснить, какой сюрприз приготовил ему Квентин на этот раз, и призвать к ответу. Его проводили все теми же ехидными взглядами.

Поднявшись по ступенькам, Николас вошел в услужливо открытую слугой дверь. Но только после того, как отдал лакею трость и шляпу, сумел подавить в себе нараставшее раздражение и облегченно вздохнул. Слава Богу, Квентин остался на улице!

Линдхерста все же не на шутку обеспокоила пока еще совсем непонятная новая интрига родного брата. А в том, что это было именно так, Николас ни секунды не сомневался. Он спустился по небольшой лесенке в холл, замедляя шаг по мере приближения к залу, где собрались его приятели. Остановившись на несколько мгновений перед дверью, чтобы успокоиться, Линдхерст расправил плечи, гордо поднял голову и вошел.

Разговоры тут же прекратились, и все взгляды устремились на него. Николас заставил себя улыбнуться и приветливо кивнул головой собравшимся. Затем пытливым взглядом окинул каждого, выискивая возможных союзников. Да... Можно надеяться, скажем, на Френшэма... Также на Райвела... На Клендона... Рандолфа...

Особенно на Рандолфа. Он был школьным товарищем Николаса в Кембридже. Всегда стыдливо краснел, слыша какую-либо сплетню, равно как и комплименты от собственной жены, болтушки Сары.

Линдхерст подошел к нему.

– Рад видеть тебя, Рандолф, – приветствовал он приятеля чуть приглушенным голосом.

Тот поднял голову и, глядя куда-то через плечо Николаса, проговорил, заметно заикаясь:

– Ах... Линдхерст... Здравствуй... Не ожидал тебя сегодня здесь встретить...

Смущение Рандолфа еще больше насторожило Николаса, хотя он и постарался это скрыть. Почему приятель так ступеялся? И что за мерзкую кашу в очередной раз заварил здесь Квентин?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.